

Свинцовый закат

Автор:

[Роман Глушков](#)

Свинцовый закат

Роман Анатолевич Глушков

Апокалипсис-СТКальтер #2

Майор военной разведки Кальтер намерен отправиться в кишашую мутантами Припять и подбивает сталкера Мракобеса сопровождать его. Тот не доверяет чересчур скрытному компаньону, но до цели не так уж далеко, а обещанная им награда столь притягательна, что отказаться попросту невозможно.

Преследуемые по пятам отрядом жаждущего мести полковника Черепа, чьего брата-вымогателя прикончил Кальтер, напарники выдвигаются в путь. Однако главная опасность поджидает их впереди. В мертвом городе царит хаос. Там свирепствуют вырвавшиеся на свободу три могучих и кровожадных монстра – Скульптор, Искатель и Буревестник, – уничтожающие всех без разбора: и людей, и своих собратьев-мутантов...

Роман Глушков

Свинцовый закат

И все времена – одно время, и все умершие не жили до тех пор, пока мы не дали им жизнь, вспомнив о них, и глаза их из сумрака взывают к нам.

Тогда я не понимал того, что сейчас, по-моему, понял: прошлое можно сохранить, только имея будущее, ибо они связаны навечно.

Роберт Пенн Уоррен. «Вся королевская рать»

Глава 1

Я решил не держать обиду на генерала Воронина за то, что он запретил мне похоронить Бульбу на одном из пустырей завода «Росток», неподалеку от Бара «Сто рентген». Надо сказать, что забыть такой удар ниже пояса от командира мне удалось не сразу. Слишком сильно взъелся я тогда на него, хотя по прошествии года, что миновал со дня гибели моего друга, приходится признать: генерал был прав. Но как было на него не обижаться, если я уже присмотрел для последнего пристанища Бульбы уютное местечко и заказал нашим технарям отличный железный обелиск? Вовчик Холера и Питекантроп вызвались помочь мне вырыть могилу, а Бармен заверил, что придержит для поминок ящик своего лучшего пойла. Все складывалось как нельзя гладко, оставалось лишь зайти к главе клана «Долг», чтобы попросить его сказать на похоронах короткую торжественную речь, ведь Воронин всегда относился к Бульбе с уважением. Как, впрочем, и ко мне. Поэтому я и в мыслях не держал, что генерал воспримет в штыки мою инициативу воздать долговцу-ветерану такие посмертные почести.

– И думать забудь об этом, Мракобес! – сказал мне тогда Воронин. – После последней череды выбросов – никаких больше могил на территории базы, и это не обсуждается. Ты знаешь правило: либо кремация, либо хорони Бульбу подальше от завода. Да, я прекрасно тебя понимаю, но пойми: порядок есть порядок. Приказ касается каждого из нас, включая меня. Весьма сожалею, что приходится напоминать тебе об этом именно сегодня, но ты – разумный парень и, надеюсь, осознаешь, почему я вынужден пойти на такие меры.

Теперь, конечно же, осознаю. Но тогда мне просто чудом удалось сдержаться, чтобы не высказать генералу в глаза все, что я думал в тот момент о нем и о его хваленной принципиальности. Бульба героически погиб, исполняя приказ Воронина, а он не пожелал ни на йоту отступить от своих дерьмовых принципов, чтобы похоронить героя, как он того заслуживал!

Соорудив волокушу, я втайне от всех взвалил на нее тело боевого товарища и, давясь в гнев слезами, утащил Бульбу так далеко, насколько у меня хватило сил. После чего без лишних церемоний завернул тело в саван, предал его земле, выпил в одиночку бутылку водки и тут же отключился, потому что обычно пью редко и в гораздо меньших количествах.

Очнулся я тем не менее в казарме на базе, чему, наверное, сильно бы удивился, но разрывающая похмельную голову боль напрочь глушила во мне все эмоции. В том числе изрядно притупляла обиду и гнев. Поэтому я совершенно равнодушно отнесся к признанию Вовчика Холеры в том, что это Воронин послал их с Питекантропом за мной, поскольку видел, что я вне себя и могу сгоряча отчебучить какую-нибудь глупость или угодить в передрагу. Они-то и препроводили меня, невменяемого, обратно, заехав попутно мне несколько раз по морде – за то, что не позвал их с собой на похороны, и за то, что им приходится теперь возиться со мной, словно с маленьким ребенком.

Поминки по Бульбе все-таки состоялись. Воронин сказал на них подобающую речь и распорядился отвезти сделанный по моему заказу обелиск на могилу нашего павшего товарища. Правда, узнал я обо всем этом лишь через неделю, потому что мое тяжкое похмелье усугубилось сильнейшей лихорадкой, которую я успел подхватить, валяясь пьяным на холодной земле. А лихорадки в Зоне сами знаете какие бывают. Не каждый сталкер способен переболеть ими без ущерба для психики. Вот и я за себя тоже не отвечаю, хотя знающие меня как облупленного приятели вроде бы не заметили за Леной Мракобесом после болезни явных психических отклонений.

Какие только галлюцинации не терзали мою больную голову в горячечном бреду. Трижды являлся покойный Бульба, хлопал меня по плечу, смеялся и спрашивал: «Ну что, Ленчик, не надумал еще бросить это грешное дело? Не пора ли, браток, в кои-то веки одуматься и забыть про нашу дурацкую мечту? Сказки все это, будь уверен. Глупые детские сказки. Даже если тебе повезет создать Полынный Слиток, вряд ли он окажется таким чудодейственным, как гласит легенда. Обычный набор артефактов, не более. Похоже, в этой гребаной Зоне одни мы с тобой верили в его магические свойства». После чего начинал трепаться обо всем на свете, как любил делать это на досуге, когда был жив. Я же постоянно порывался спросить Бульбу, не держит ли он на меня зла за то, что случилось с ним в Диких Землях. Только вот досада: в моих бредовых кошмарах я не мог проронить ни слова, сколько ни пыжился. А призрачный Бульба как нарочно предпочитал обходить эту больную тему стороной.

А вот призрак Корсара, погибшего вместе с Бульбой в ходе той перестрелки, я уверен, высказал бы многое, присутствуй у него голова. Корсару тоже было за что на меня обижаться. Мне пришлось бросить его тело на поле боя неуспокоенным, потому что тяжелораненый Бульба еще дышал и я спешил как проклятый, стараясь успеть дотащить его на базу, где ему, возможно, еще могли

бы помочь. К сожалению, мой приятель скончался на полпути к Бару. А Корсара через два дня нашли и кремировали наши разведчики – так, как и приказывал поступать со всеми мертвецами в Зоне генерал Воронин. Обезглавленный призрак в залитом кровью черно-красном комбинезоне подолгу маячил возле меня, шевелил руками, явно желая что-то сказать, да так и исчезал ни с чем. Однако в одиночестве я скучал недолго. На смену Корсару и Бульбе приходили другие призраки. Многих из них я совершенно не узнавал и потому затруднялся сказать, за какие такие грехи они третируют меня своим присутствием.

Самым странным из них была девочка-подросток с выкрашенными в фиолетовый цвет волосами, одетая в серебристый комбинезон с непонятными шевронами – ни дать ни взять Алиса Селезнева, сошедшая со страниц книг обожаемого мной в детстве Кира Булычева. Девочка смотрела на меня синими, как небо, глазами и постоянно твердила об одном и том же. Хорошо хоть несовершеннолетнее привидение не задерживалось в моих бредовых кошмарах подолгу. В противном случае я бы точно рехнулся от его навязчивых просьб, которые при всем желании не мог выполнить.

– Поклянитесь, что не бросите дядю Костю, Леонид Иванович! – требовала девочка, стоя у изголовья моей кровати и тормоша меня за плечо. – Поклянитесь, умоляю, ведь без вас он пропадет! Помогите ему, слышите! Очень вас прошу, Леонид Иванович! Очень-очень!..

И так раз от разу. Ни о чем другом знающий мое имя ребенок говорить со мной не желал. Видит Бог, я готов был дать синеглазке эту чертову клятву, даже понятия не имея, кто такой этот дядя Костя, за которого просила девочка. Все, что угодно, только бы она от меня отвязалась! Но единственное, на что меня сейчас хватало, – это на нечленораздельные хрипы. Иные звуки мое горло издавать отказывалось, а распухший от жара язык, казалось, и вовсе намертво прирос к нёбу. Синеглазка же категорически не хотела понимать посылаемые ей намеки. Впрочем, я на ее месте тоже вряд ли бы их понял, сочтя все эти дерганья и кряхтенья лихорадочными конвульсиями.

К счастью, как только я очухался и пришел в себя, призраки тут же оставили меня в покое. Все, кроме девочки – она так и продолжала время от времени навещать меня в снах. Но в Зоне какие только галлюцинации порой не докучают сталкерам, и вскоре я перестал обращать внимание на синеглазого ребенка, пристающего ко мне с одной-единственной просьбой. В конце концов, эта была всего-навсего лишь маленькая девочка, разве что не в меру назойливая. Было бы

гораздо неприятнее, если бы вместо нее в ночных грезах ко мне являлся кровосос или еще какой-нибудь здешний кошмар.

Оказывается, пока я метался в бреду, «Монолит» ударил-таки по Небесному Пауку из своего чудо-оружия, за которым охотился тот закордонный ублюдок-майор с татуированной рожей. Атака монолитовцев на загадочную высокотехнологичную цитадель увенчалась успехом, правда, секте тоже пришлось кое-чем и кое-кем пожертвовать. В бою с Пауком единственный имеющийся у нее вертолет был сбит, и все находившиеся на борту сектанты погибли. К вящей радости Воронина и всего «Долга», среди них затесался и одиозный полевой командир «Монолита» Гурон. Именно за этой сволочью я, Бульба, Корсар и приставленный к нам вышеупомянутый майор армейской спецслужбы вели тогда охоту в Диких Землях.

Когда я услышал, что Корсар и Бульба отомщены, на душе у меня потеплело, а здоровье моментально пошло на поправку. Что бы ни твердили скептики, есть все же в Зоне справедливость! Всегда приятно слышать о постигшем врага поражении, пусть даже гибель Небесного Паука снова открывала «Монолиту» путь к радарной станции и «выжигателю мозгов». Которые в свою очередь, будучи восстановленными после диверсии Меченого, опять угрожали блокировать сталкерам доступ к Припяти и ЧАЭС. Спустя месяц – бесспорно, один из самых тревожных месяцев в здешней истории – все в Зоне возвращалось на круги своя. Ну или почти все, если учесть, что после приснопамятного штурма Саркофага сталкерские группировки изрядно поредели, а многие мелкие кланы и вовсе канули в небытие.

Очевидно, туда же канул и майор, бросивший меня в Диких Землях на руках с умирающим Бульбой. Мерзавец так зациклился на исполнении приказа своего командования, что не соизволил задержаться и помочь собратьям по альянсу, предпочтя расторгнуть его, дабы не терять понапрасну драгоценного времени. Похоже, спешка этого вояку в итоге и сгубила. По крайней мере, погоня за ним рванула – будь здоров, не кашляй! Отделаться от такой целым и невредимым являлось совершенно невыполнимой задачей. А имевшая потом место атака сектантов на Паука лишь подтвердила, что если даже майор добрался до цели, то искомое им оружие он все равно не уничтожил. Что ж, туда татуированному гаду и дорога. Несмотря на то что мы воевали с ним на одной стороне, лично мне было абсолютно не жаль потерять такого вероломного союзника.

С тех пор миновал год, однако с починкой «выжигателя мозгов» у «Монолита» дело что-то не заладилось. Всякое болтают, но, судя по всему, благодарить за это следует опять-таки Меченого. Молодец, бродяга, на совесть поработал. Подал нам пример, как нужно уничтожать вражескую собственность, чтобы она затем не подлежала восстановлению. Пускай Меченый не входил в «Долг», на радарной станции он действовал в лучших наших традициях. Поэтому я искренне сожалел о бесследном исчезновении такого лихого парня, пусть и знал его лишь понаслышке...

Если скажу, что тот судьбоносный для меня день являлся рядовым будничным днем, значит, совру. Для прочих долговцев, возможно, так оно и было – в конце концов, за минувший год в клане погибло много хороших бойцов, чтобы выжившие запомнили точную дату гибели Бульбы. Я, естественно, такого забыть никак не мог. Узнав с утра, что на сегодня у нас не запланировано особых мероприятий, я заглянул в «Сто рентген», залил у Бармена во фляжку триста граммов коньяка, взял лопату, чтобы подправить могилу, и, закинув на плечо «Абакан», двинул на север – туда, куда в свое время проводил в последний путь старину Бульбу. Нравились ему, помнится, те места, особенно неширокая ложбина с бегущим по ней ручьем. На ее крутом, заросшем травой берегу я и похоронил своего приятеля. Пусть теперь вечно наслаждается журчанием ручья, которое он так обожал слушать при жизни.

Установленный уже без моего участия обелиск – двухметровая четырехгранная стела с табличкой – возвышался над кустами и был заметен еще на полдороге от Бара. Однако сегодня, сколько я ни приглядывался, так и не обнаружил издали приметную остроконечную верхушку памятника. Выругавшись сквозь зубы, я высмотрел впереди другой ориентир – расщепленный ствол старой березы, неподалеку от которой находилась могила, – и направился к нему. Не забывая, разумеется, посматривать под ноги. Прежде на этой пустоши не было аномалий, но за последние пару месяцев, что я здесь не появлялся, они вполне могли образоваться.

Насчет исчезновения стелы я особо не переживал. Осквернять могилы среди сталкеров не принято. Даже вконец отмороженные монолитовцы не опускались до такой низости, как разрушение памятников на могилах своих врагов. Скорее всего обелиск Бульбы завалился из-за усадки грунта или обрушения склона ложбины, вот и вся проблема. Сейчас доберусь до берега, выясню, что произошло, затем свяжусь с базой, попрошу приятелей прийти сюда, и мы сообща водрузим тяжелый памятник на место.

По закону подлости, который в Зоне был гораздо незыблемее законов физики, упавший обелиск скатился на самое дно ложбины и, перегородив ручей, образовал внизу маленький неглубокий прудик. Я собрался было снова выругаться, но сдержался – как-никак святое место. Впрочем, выдержки моей хватило ненадолго. Когда я увидел, что в действительности здесь стряслось, брань вырвалась из меня, будто пар из-под сорванного клапана парового котла.

Подвижки грунта, на которые я давеча грешил, оказались совершенно ни при чем. Стелу сбросили вниз все-таки вандалы. Даже сверху были различимы грязные следы их ботинок на обелиске; прежде чем эти твари столкнули его с откоса, им пришлось расшатывать вкопанный в землю памятник пинками. Там, где он стоял, остался глубокий провал. Вывороченная из него глина была раскидана вокруг, словно на могиле еще и разорвалась граната. Однако неизвестным вандалам этого явно показалось мало. Вдобавок ко всему они рассыпали повсюду какую-то белую дрянь, похожую на хлорку, только без запаха.

Я дал волю эмоциям и почти минуту посылал проклятья вслед успевшим скрыться беспринципным злоумышленникам. Ежели проведаю, кто надругался над могилой Бульбы, эти вшивые шакалы, дети таких же шакалов, сначала узнают, каковы на вкус их уши, яйца, а также прочий ливер, и лишь затем издохнут, собирая в грязи собственные кишки!.. Затем, немного успокоившись, я отломал от дерева веточку и измазал ее в том веществе, что было рассыпано на развороченном могильном холмике. Кто знает, что это за дерьмо; может, какая нервнопаралитическая отравка, к которой нельзя прикасаться даже кончиком пальца. Надо отнести ее на анализ заместителю Воронина – «замкомдолгу», полковнику Петренко, – насколько мне известно, он немного разбирается в химическом оружии.

Ковыряя веточкой запорошенную неизвестным веществом глину, я вдруг обнаружил, что ямка, из которой я извлекаю образцы, есть не что иное, как отпечаток человеческой пятерни. Приглядевшись, я обнаружил вокруг провала другие такие же отпечатки, а также параллельные борозды, оставленные в грунте определенно растопыренными пальцами. Сомнительно, чтобы вандалы не побрезговали замарать руки в липкой глине, однако оставленные ими следы свидетельствовали об обратном. Хотя на кой черт этим извращенцам нужно было рыться в провале после того, как они своротили обелиск? Они что, еще и мину там заложили?

И только тут в мою разгоряченную голову стукнула догадка, что тот, кто оставил отпечатки на могиле, не сидел на краю глубокого воронкообразного провала, а выбирался прямо из него.

– Господи! – Я вскочил с колен и отшвырнул палочку. В химическом анализе подозрительного порошка отпала всякая необходимость. – Да ведь это же Пепел Лавкрафта! Тот самый хренов Пепел!

Ошибка исключалась: кто-то действительно рассыпал здесь синтетический токсин для реанимации трупов – дерьмо, контейнер с которым какие-то сталкеры обнаружили в одной из заброшенных военных лабораторий Зоны. Дело было давнее, и сегодня все считали, что та нашумевшая находка либо уже перекочевала к ученым, либо уплыла за Кордон к более щедрому нелегальному покупателю. На кой ляд, спрашивается, кому-то в Зоне держать при себе Пепла Лавкрафта, если здешние мертвяки порой выскакивают из могил безо всяких стимуляторов, на одном, так сказать, голом энтузиазме? Не по этой ли причине Воронин запретил мне хоронить Бульбу на территории базы? У ее обитателей еще свежа в памяти история, когда после прошлогодней печально знаменитой череды выбросов все захороненные на пустырях «Ростка» трупы вдруг как по команде восстали и отправились разгуливать по территории завода, нападая на должовцев и прочих зашедших в Бар бродяг.

Однако что бы ни болтали на сей счет сталкеры, Пепел Лавкрафта в Зоне еще остался. Это красноречиво подтверждали его следы на могиле Бульбы. А другие следы – те, что являли собой отпечатки рук, – доказывали, что проведенный вандалами эксперимент удался. Пролежавший год в сырой земле, мой боевой товарищ был обработан быстродействующим токсином, выбрался из могилы и теперь, полусгнивший и неприкаянный, шастал где-то поблизости. И чем, скажите на милость, его бранные останки заслужили к себе такое неуважение?

Сокрушаясь по поводу этой вселенской несправедливости, я скинул с плеча и снял с предохранителя «Абакан». Вряд ли воскресший из мертвых Бульба окажется рад меня видеть. Как, впрочем, и я его. Отвратительнее ситуации и придумать нельзя! До сего момента я не переставая сожалел о том, что продолжаю разгуливать по Зоне, в то время как Бульба вынужден кормить могильных червей. Но сейчас приходилось сожалеть об обратном. И не только сожалеть, но и предпринимать все возможное, чтобы вернуть старого приятеля туда, куда я окончательно и бесповоротно определил его годом ранее.

Следы на могиле были совсем свежие – это значит, акт вандализма случился либо ночью, либо ранним утром. Что ж, учитывая медлительность ходячих мертвецов и их хаотичное перемещение по местности, я наверняка догоню Бульбу по следам на траве через час-полтора. Если, конечно, он не упростит мне задачу и не угодит в аномалию. А посчастливится, я заодно настигну и тех, кто над ним поглумился. Никаких разборок и выяснений отношений: установлю на «Абакан» оптику и попросту пристрелю пару-тройку этих дерьмоедов издалека в спину. А остальные пусть либо уносят ноги, либо принимают бой. Будь их слишком много, они куда сильнее истоптали бы кусты и траву вокруг могилы. Поэтому пока нет резона вызывать из Бара подкрепление. Попробую справиться сам, а коли не получится, тогда уже поглядим, свистать всех наверх или повременить с отмщением.

Хотелось бы также знать, нарочно или нет неизвестные вандалы учинили эту мерзость на годовщину смерти Бульбы. Как у любого сталкера со стажем, у меня было немало врагов, желающих свести со мной счеты, но вряд ли кто-то из них стал бы мстить столь низким и изощренным способом. За стенами базы я не отсиживался, поэтому любой мой недруг мог при желании перехватить меня на узких тропках Зоны, чтобы потолковать по душам. Или попросту пристрелить из засады – здесь подобное считается в порядке вещей. И ни к лицу моим врагам сомнительные козни с осквернением обелисков и воскрешением трупов.

От разрытой могилы на восток вели две протоптанные в траве тропки. Первая была относительно ровная, а вторая вилась размашистой синусоидой – траектория, по какой обычно ходят сильно пьяные, но еще способные держаться на ногах люди. Извилистая тропка постоянно пересекалась с прямой – стало быть, Бульба и «реаниматоры» двигались одним курсом. Чьи следы кому принадлежали, тоже было понятно. Ходячий мертвец мог двигаться так только на поводке. Или, скорее, с накинутой на шею, привязанной к длинной палке гароттой – специфической петлей, которой за пределами Зоны отлавливают бродячих собак. В наших краях такими гароттами пользуются наемники-«сводники» – охотники за головами, что ловят и препровождают к заказчику его врагов или злостных должников. Но зачем кому-то понадобилось воскрешать Бульбу, сажать его на поводок и гнать невесть куда? Разве только чтобы продать ученым в качестве лабораторного материала... Ладно, скоро разберемся.

Я уже настроился на долгое преследование по берегу ложбины, но через пару сотен шагов следы конвоя резко повернули на склон, к ручью. С чего бы это

вдруг? Чтобы пересечь ручей, «реаниматорам» следовало свернуть гораздо раньше, а здесь на противоположном берегу росли такие густые кусты, что продрасться сквозь них без мачете было попросту нереально. Вандалы же вдобавок торопились, поэтому явно не сунулись бы без веской причины в непроходимые дебри.

Я остановился и, присев на корточки, наострил уши. Снизу доносились подозрительные звуки, похожие на урчание или бормотание. Да, мне не послышалось: кто-то действительно возился в дюжине шагов от меня у самой воды. Причем нисколько не таясь. Засада? Вполне вероятно, но к чему тогда весь этот шум? Приманка? Тоже не исключено, но шибко уж примитивная.

Спрятаться в траве на склоне этого берега враги не могли – сверху я отлично просматривал весь спуск. При желании это можно было сделать на том берегу в кустах. Но прежде чем «реаниматоры» залегли бы в них, они неминуемо оставили бы в густых зарослях следы. Растительный покров на противоположном склоне выглядел девственно нетронутым. Стало быть, вражья компания двинула дальше, прямо по ручью, оставив здесь... Неужто Бульбу?

Догадка подтвердилась: тот, кто сидел на глинистой кромке берега, свесив ноги в воду, к живым людям уже не принадлежал. Согбенное, полуистлевшее тело, из гнилой плоти которого повсюду торчат кости, подобно тому как из крошащейся железобетонной колонны выступает арматура. На поеденном червями черепе почти не видать волос, лишь над оторванным левым ухом торчит грязный спутанный клок – жалкий остаток некогда густой шевелюры. С правой лопатки свисает готовый оторваться лоскут гнилой кожи, на котором, если хорошенько присмотреться, можно рассмотреть фрагмент татуировки: когтистая птичья лапа. Вне всяких сомнений, передо мной Бульба, на чьей спине при жизни красовался распутивший когти и оскаливший пасть восточный дракон. Сегодня мой выбравшийся из могилы товарищ выглядел настолько отвратно, что им можно было пугать до икоты не только живых людей, но и, наверное, все тех же драконов.

Бульба сидел ко мне спиной, и я не мог видеть его лицо. Зато хорошо видел нечто другое: надетую на шею мертвяка гаротту, чья палка свисала у него вдоль хребта. Брошенная вместе с поводком, жертва Пепла Лавкрафта расселась на берегу, пялилась в воду и без умолку бубнила какую-то абракадабру. А «реаниматоров», похоже, след простыл. По крайней мере, ни их, ни следов их присутствия поблизости не наблюдается. Неужто заметили погоню, решили, что

за мной идут братья по клану, и, наскоро избавившись от пленного, пустились заметать следы? Вода в ручье была мутной, к тому же мертвяк успел взбаламутить ее ногами, поэтому я мог лишь догадываться, как давно его воскресители удрали вниз по руслу.

Достав бинокль, я внимательно осмотрел окрестности. В километре отсюда вдоль опушки леса бежал свирепый кабан-мутант, преследуя невидимую мне в траве жертву. Далее по курсу прямо возле берега затаился «вихрь», выдающий себя кружением угодивших в него сухих листьев. Коварный мерзавец. Ежели кому посчастливится однажды выскочить из такой аномалии до того, как она затянет его в свой круговорот и прикончит, этот сталкер потом всю жизнь шарахается даже от безобидных порывов ветра. Как я, например, всегда дергаюсь, если ненароком задеваю затылком что-нибудь мягкое, вроде занавески. Со стороны это выглядит забавно, вот только когда однажды вам упадет на голову мочало «жгучего пуха», тогда поглядим, как вы будете смеяться. Уж лучше упасть голышом на стекловату, чем хотя бы разок коснуться пальцем той мерзкой аномальной хренотени.

Кроме носившегося у леса кабана и ворошившего листву «вихря», иных опасностей поблизости не обнаружилось. Нужно ли опасаться мертвяка, мне еще только предстояло выяснить. В отличие от местных зомби – сталкеров с напрочь выжженными пси-излучением мозгами, – далеко не каждый восставший в Зоне мертвец бросается на живых людей. Начни Бульба кидаться на «реаниматоров», они посадили бы его на несколько поводков, связали бы ему руки и заткнули рот кляпом. Да и умиротворение, в каком пребывал обнаруженный мной беглец из могилы, было присуще скорее безобидным ходячим трупам. Их агрессивные собратья, как правило, вели себя крайне спокойно.

– Бульба! – не вставая с корточек, позвал я созерцающего ручей мертвяка. – Это я, Мракобес! Эй! Глянь-ка наверх! Я тут!

Если бы покойник встrepенулcя и вскочил, я без тени сомнения сразу отстрелил бы ему голову. Однако Бульба неспешно обернулся и лишь затем неуклюже поднялся сначала на четвереньки, а уже потом на ноги. На его испещренном гнилыми язвами лице отсутствовали нос, губы, левая щека и веки. Оба глаза были на месте, но выглядели так, словно кто-то все же выдрал их, а потом вставил в глазницы желтые, побитые и грязные бильярдные шары. Нужно ли упоминать, как мне было горько и больно видеть старину Бульбу в таком

душераздирающем виде?

– Бульба! – вновь окликнул я его, вставая в полный рост, чтобы полуслепой мертвяк сумел меня заметить. – Иди ко мне, дружище! Ну же, давай! Нечего здесь рассиживаться, пойдём назад!

– Мыр... кыбыс! – проскрипел Бульба, устремив вверх лишенные век и зрачков глазищи. От его дребезжащего голоса у меня по коже пробежали мурашки. Удивительно, что он вообще мог до сих пор говорить. Все ходячие покойники, каких мне доводилось прежде встречать в Зоне, не могли даже хрипеть. – Мыркыбыс! Шт... Што... С-с-с... Мн... Мно...

Будь я проклят, если он не узнал меня и не пытается спросить, что с ним стряслось! Здешние ученые давно доказали, что у ходячих мертвяков сохраняется примитивный разум и остаточная память о наиболее значимых для них при жизни людях и событиях. Кто бы мог подумать, что мне предстоит убедиться в этом на таком ужасном примере!

– Иди ко мне, старик! – продолжал я выманивать мертвяка из ложбины. – Иди, я тебе помогу!

– Мыркыбыс! – Бульба шаткой походкой приблизился к склону и, снова встав на четвереньки, медленно, но уверенно покарабкался вверх. Палка надетой ему на шею гаротты колотилась по торчащим у него из спины ребрам с отвратительным стуком. – Л-л-л... Ло... Лонья!

Он называл меня Леней крайне редко и только тогда, когда хотел поговорить о чем-то действительно важном. Господи помилуй! Я-то думал, что иду по следу неменяемого ходячего мертвеца, а оказалось, в Бульбе еще теплится душа. Еле-еле, как огонек почти пустой зажигалки, но ведь теплится же!

– Лонья... што с-с-с... мно? – членораздельно и практически внятно выговорил Бульба. – Я б-б-б... бол... болн?... Зр-р... Зар... Зар-азно болн?

– Все хорошо, дружище, – нагло соврал я, отступая от края склона и позволяя мертвяку выползти на берег. – Все в норме! Ты полностью здоров! Это сон. Страшный сон! Тебе просто снится кошмар, понимаешь? Эй?

– Кш-мр сон? – переспросил Бульба, жутко шевеля безгубым ртом. Поднявшись на ноги и качнувшись из стороны в сторону, он обрел относительное равновесие, после чего поднес к лицу сгнившие до костей ладони и гораздо увереннее добавил: – Сон! Уж... жас... Кш-мр... сон... Д-д... Да! – А потом, вперив в меня бельма, вполне отчетливо поинтересовался: – Лонья... што... с-с-с... Витья?.. Я потр... рьял... ег-г... ф-ф-ф... фот... ограф-ф...

От усилий, какие прилагал Бульба, чтобы выговорить эти простые, казалось бы, слова, по его правой щеке пробежала бурая трещина, тут же разошедшаяся и обнажившая торчащие зубы. Я не выдержал и, к своему великому стыду, отвел взгляд.

– Витья в порядке! – как можно понятнее проговорил я, проглатывая подкативший к горлу комок. – У него все хорошо! И фото его нашлось! Просто ты его возле Бара обронил, а ребята потом подобрали, отдали Бармену, а он мне передал.

– Сп-п... пасиб-б, Лонья! От-т... дай... ф-фтогр... мне! Пж-ж... ал... ст!

– Извини, дружище, не взял ее с собой. – Я похлопал себя по карманам комбинезона и виновато развел руками. – Фотография Вити на базе. Я положил ее в твой шкафчик. Понимаешь?

– Пн-н... маю. Спас-сиб-б, Лонья! – повторил мертвяк. – Т-ты... наст-т... ящ... д-д... руг!..

– Ты тоже был, есть и будешь моим лучшим другом, Бульба, – ответил я, глядя в сторону и незаметно расстегивая притороченные к спине ножны с мачете. – А теперь, старик, тебе пора просыпаться. Погоди чуток, сейчас твой кошмар закончится. Обещаю...

Витья, о котором переживал Бульба, был его младшим братом. Из-за него мы и очутились в Зоне пять лет назад. За три года до этого Витья заболел какой-то редкой вирусной инфекцией, что наградила его целым букетом осложнений. Семья Бульбы не испытывала недостатка в средствах, но все они ушли в итоге на поездки по мировым клиникам и оплату различных курсов лечений, каким подвергали Бульбиного брата светила заграничной медицины. Курсов было перепробовано множество, но ни один из них не оказался эффективным. Врачи неизменно умывали руки и переправляли неизлечимого пациента в другой

медицинский институт. В итоге Вите пришлось вернуться домой, потому что у его родителей попросту закончились деньги. Все, что сделали для него зарубежные эскулапы, – это лишь замедлили прогрессирование болезни.

Наслышанный о якобы несметных богатствах, какие вот уже год приносят из-под Чернобыля наши пронырливые двадцатилетние ровесники, только что демобилизованный из армии Бульба тоже загорелся желанием податься в сталкеры. И подался, поскольку любил своего младшего братишку и не мог смотреть на его каждодневные мучения. Я вернулся со срочной службы месяцем позже и когда узнал, куда запропастился мой дворовый приятель, рванул в Зону следом за ним. Чтобы помочь ему побыстрее собрать нужную сумму на лечение Вити, а также, разумеется, заработать кое-что для себя.

Нам повезло. Оба мы быстро постигли здешние законы, приспособились к специфическим порядкам Зоны и приступили к осуществлению нашей мечты. У вас наверняка возник резонный вопрос: почему мы с Бульбой подались именно в «Долг», а не, скажем, в наемники, «Свободу» или иной клан? Туда, где царили вольнолюбивые нравы и чей устав не препятствовал, а, наоборот, всячески одобрял личное обогащение?

Каюсь, это была моя инициатива, которую Бульба поддержал не сразу.

«Сам посуди, – втолковывал я ему свою хитрую стратегию. – Ну вступим мы с тобой в „Свободу“, и что дальше? Нарвемся на здешнее Эльдorado, так нам свои же соклановцы глотку перегрызут. Нет, старик, с такой стаей товарищей нам с тобой не по пути. А вот с „Долгом“ – самое оно! Они ж там все как на подбор идейные, да к тому же бессребреники. Значит, к ним-то мы и примкнем, если хотим Витьке на лечение деньжат заработать. Как? Да запросто. Долговцы каждый найденный артефакт ученым сдают, так? И мы сдавать будем, чтобы из общей массы не выделяться. Три сдадим, а один, тот, что поценнее, тихонько припрячем. Надо только не зарываться, не болтать лишнего да почаще оглядываться, и все будет тип-топ. Главное, чтобы Воронин и остальные видели, что Мракобес и Бульба – такие же убежденные борцы с Зоной, как их товарищи по оружию. И никто в Зоне твоей удаче не завидует, потому что знает: у нас – парней в черно-красных комбинезонах – нет ничего за душой; все до последней „колючки“ отдано науке. В этом и весь секрет! Кто быстро богатеет, тот плохо кончает. А мы с тобой – не хапуги и с головами на плечах, поэтому разбогатеем пла-но-мер-но! Не спеша, зато гарантированно, как настоящие Ротшильды или Моргань. Врубашься в мою мысль?»

Бульба не сразу, но все-таки врубился. И знаете что? Сработало! Причем даже лучше, нежели ожидалось. Мы так рьяно взялись служить «Долгу», участвуя во всех его акциях, что уже через полгода стали числиться у Воронина на особом счету. Не забывая, само собой, систематически откладывать найденные ценные артефакты в наш тайник, а когда он переполнялся – сбывать хабар за Кордон через доверенных лиц. За два года такой двуличной жизни мы не стали миллионерами, зато без проблем скопили нужную для Вити сумму.

Однако вскоре выяснилось, что проку от той суммы почти никакого. Лишь две клиники из тех, которые Витя еще не посещал, согласились взять его на лечение, тоже оказавшееся малоэффективным. Прочие рекомендованные ему медицинские институты рангом пониже попросту отказывались заниматься его проблемой, ссылаясь на отсутствие необходимых условий и технического оснащения. Или соглашались, но заламывали такие цены, какие постеснялись бы вписать в свои прейскуранты даже элитные клиники. В действительности такое отношение к Витиной болезни объяснялось просто: никто больше не хотел тратить время на больного, чей неизлечимый недуг успел подмочить репутацию стольких авторитетных клиник.

На Бульбу, следившего за злоключениями брата, нельзя было смотреть без боли. Столько трудов, столько риска, и все напрасно! Мой друг балансировал на грани отчаянья и начал уже подумывать о том, чтобы плюнуть на все и свалить из Зоны. Но тут кто-то из должовцев, ссылаясь на Болотного Доктора, рассказал Бульбе историю о Полынном Слитке – наборе из двадцати редких артефактов. Который, будучи брошенным в аномалию «жарка» – да не абы какую, а непременно находящуюся в зарослях полыни, – якобы давал на выходе уникальный чудодейственный сплав. И с его помощью – опять же якобы – можно было вылечить любую болезнь, вплоть до рака в последней стадии.

Скептик Бульба не верил в легенды Зоны, а особенно в те, что сталкеры травят друг другу по пьяной лавочке. Но история о панацее из артефактов по вполне понятной причине крепко запала ему в душу. Поэтому при первой же возможности мой друг отправился к Болотному Доктору, чтобы выяснить, является ли история о Полынном Слитке правдой или это всего лишь обычные сталкерские байки.

Болотный Доктор не дал на этот вопрос конкретного ответа, однако Бульба все равно вернулся с болот окрыленный новой надеждой. Знаменитый отшельник-

эскулап Зоны честно признался, что, насколько ему известно – а уж он-то, поверьте, знает о Зоне немало, – еще никому не доводилось осуществить операцию, которой интересовался Бульба. Однако легенда о чудодейственном сплаве возникла не на пустом месте. И он, Болотный Доктор, действительно имеет к ее зарождению самое прямое отношение. Ведь это он однажды в беседе со своим другом Барменом поведал ему о своих теоретических изысканиях, основанных на ряде научных экспериментов. Так вот, согласно этой теории, получившийся вследствие обработки вышеназванного комплекта артефактов аномальным пламенем «жарки» сплав, возможно, будет обладать свойством быстрой регенерации тканей и нормализации текущих в них биохимических процессов. Только откуда в этой технологии взялась полынь, Доктор затруднялся ответить. В его рецепте создания панацеи никакая полынь отродясь не фигурировала. Видимо, тщеславный и болтливый Бармен решил тоже внести лепту в потенциальное открытие тысячелетия и дополнил хитроумную докторскую кашу своим «топором».

Узнав все это, Бульба удивился, почему, разработав такую сенсационную технологию, Болотный Доктор до сих пор не опробовал ее на практике. В ответ мудрый отшельник одарил моего друга снисходительным взглядом и печально заметил, что если кто-то когда-то и соберет в Зоне такой набор редких артефактов, то этот сталкер вряд ли понесет его Болотному Доктору. Который, даже продав душу Дьяволу, не сумеет оплатить реальную рыночную стоимость подобной коллекции. Как, впрочем, и не каждый здешний перекупщик. Такие хабары следует сразу переправлять за Кордон и сбывать напрямую, без посредников, интересующимся Зоной финансовым воротилам. Возможно, кто-то из них и выплатит счастливчику требуемую сумму, хотя с большей вероятностью у него попросту отберут товар силой, а самого прикончат.

Бульба поклялся, что если останется жив, то непременно добудет для Доктора компоненты рецепта Полынного Слитка. Неизвестно, поверил ли эскулап гостю, но раз написал-таки для него список нужных артефактов, значит, кое-какое доверие Бульба Доктору все же внушил. В общем, с того дня наша жизнь в Зоне вышла на новый этап, который продлился без малого еще два года и завершился ровно год назад со смертью инициатора этого поиска.

А спустя еще восемь месяцев умер, отмучившись, и его младший брат Витя, который так и не дождался, когда я закончу начатое Бульбой дело и принесу ему из Зоны чудодейственную панацею – Полынный Слиток...

Если вам когда-нибудь доводилось отрубить голову восставшему из могилы лучшему другу, значит, вы прекрасно понимаете, что я чувствовал в этот момент. Изъеденный червями и тленом, Бульба стоял, пошатываясь, и глядел куда-то мимо меня ничего не выражающими, мертвыми глазами. Но как бы то ни было, сейчас я видел перед собой не полусгнившего мертвяка, а прежнего Бульбу: простоватого компанейского парня, которого, в отличие от большинства сталкеров и даже меня, привела в Зону не жажда наживы, а воистину благородная мечта. Он не дошел до нее буквально три шага: до полного комплекта нужных артефактов нам не хватало всего трех. После смерти Бульбы я отыскал-таки один из них и взялся за поиски последней пары. Но скоропостижная смерть Вити (по прогнозам врачей, ему оставалось жить еще как минимум два с половиной года) выбила меня из колеи и остудила пыл, с каким я рвался во что бы то ни стало завершить начинание товарища...

- Прости, Бульба, - прошептал я и наотмашь, что было силы, рубанул мачете ему по шее. Малодушная мысль о том, что моя рука дрогнет и мне придется наносить повторный удар, едва не испортила все дело. Рубака из меня не ахти, пусть прадедушка и служил когда-то в казацком полку, и я боялся оплошать. К счастью - хотя какое это, к чертовой матери, счастье? - удар вышел точным, и через мгновение все было кончено. Обезглавленное тело мертвяка осело на подкосившиеся колени и мешком завалилось наземь, а голова откатилась в сторону и осталась лежать на траве, таращась куда-то в сторону Бара.

С рациональной точки зрения, было бы проще сначала увести мертвяка обратно к могиле и уже там вернуть ему вечный покой. Вот только мог ли я вообще думать о нем так, словно он был мне не товарищем, а бездушной вещью, транспортировкой которой меня принудили заниматься? Я осознавал, что чем дольше общаюсь с воскресшим Бульбой, тем больше проникаюсь к нему сочувствием и, как следствие этого, все меньше остается во мне духу поднять на него руку, чтобы избавить от мучений. Моя спешка являла собой обычную боязнь, что когда я доведу мертвяка до могилы, то уже не сумею добить его одним решительным ударом, без колебаний и предательских эмоций. Я прожил в Зоне достаточно лет и записал на свой счет не одну человеческую жизнь, но, несмотря на это, отнимать их хладнокровно так и не научился. А тем более когда дело касалось жизни человека, с которым меня связывала давняя крепкая дружба. Это все, о чем я думал, отрубая Бульбе голову здесь, а не где-либо еще. Иных причин для спешки у меня не было.

– Будьте вы прокляты! – в который уже раз плюнул я вослед неизвестным мерзавцам, чье деяние было во сто крат отвратительнее, чем то, что я сейчас сотворил. – Все равно рано или поздно встретимся. Вот тогда и...

Что тогда случится, я договорить не успел, потому что в этот момент откуда-то с востока прилетела ружейная пуля и угодила мне аккурат промеж лопаток.

Глава 2

Выстрела я не расслышал. Но не потому, что умер, хотя в тот миг был уверен в этом на сто процентов. Просто когда я, упав со склона, прекратил кувыркаться и понял, что нахожусь в сознании, эхо вражеского выстрела уже стихло. Только растревоженные им вороны с криками носились над ложбиной, мельтеша перед глазами и усиливая мое головокружение.

Пулевой удар пришелся в предохраняющий спину щиток комбинезона, собранный из кевларовых «чешуй». К тому же, как оказалось, враг не планировал меня убивать и стрелял травматической резиновой пулей. Сообразив это сразу, как только пришел в себя, то превозмог бы боль, и, пока подстреливший меня ублюдок бежал к ложбине, мне удалось бы скрыться от него вниз или вверх по руслу ручья. Но я распластался навзничь на траве и взирал на небо, подобно раненому князю Болконскому под Аустерлицем, будучи совершенно уверенным, что не чувствую боли из-за того, что пуля перебила позвоночник. И, стало быть, жить мне осталось считанные минуты, а в мыслях – лишь брань да злоба. Впрочем, Леня Мракобес ведь не благородный князь, чтобы на пороге смерти думать о возвышенном, и потому может умирать, не переживая о чистоте собственных помыслов...

– Али-баба, ты – урод! – раздался сверху раздраженный голос. – Я ж тебе, идиоту, сказал резинкой шмалять, а не жаканом! И что теперь будем делать, мать твою?

– А я чем, по-твоему, шмалял, Встанька?! – В голосе того, кого называли Али-бабой, звучала почти детская обида. – Резинкой и стрелял! Не веришь, вернись, глянь на гильзу – там она, в балке, валяется!

– Тогда чего этот головуруб не корчится от боли и не кроет нас матом, а лежит как мертвый? – гневно любопытствовал первый говоривший.

– Почем я знаю?! – взвизгнул Али-баба. – В голову, наверное, попал!

– В спину ты ему попал, я точно видел, – вступился за провинившегося стрелка третий голос. В отличие от первых двух – совершенно невозмутимый. – Просто наш хваленый Мракобес не так крепок, как о нем болтают. Гляньте: получил по хребтине и сразу скопытился! Я всегда знал, что он без своего кореша гроша ломаного не стоит. А ну, Встанька, иди проверь, как там это тело себя чувствует? Главное, чтобы болтать могло, а остальное нам, в принципе, и не нужно.

– Че я-то? – возмутился Встанька. – Это Али-баба, снайпер хренов, его в канаву сбросил, вот пусть сам туда и лезет!

– Не ссы! – подбодрил его невозмутимый. – Вон его автомат – в ручье валяется. А вон сабля – возле мертвяка. Давай, не ерепенься. Прикроем, ежели что.

– Неправильный ты вожак, Черепок, – критически заметил Встанька. – Для справки: я с вашей компашкой только по личной просьбе твоего брата пошел. А Череп мне приглядывать за тобой велел, а не на побегушках у тебя быть! – И, обреченно выдохнув «э-хе-хе», начал спускаться по склону, осыпая меня комьями сухой глины, что вырывались у него из-под ботинок.

Его, а также Али-бабу, Черепка, Черепа и многих других их приятелей я хорошо знал. Чуть больше года назад, когда Меченый уничтожил «выжигатель мозгов» и открыл сталкерам дорогу на север, «Долг» подвергся крупному расколу. Инициатором его выступил вышеупомянутый Череп, он же – полковник Борис Черепанов, прежде – влиятельный долговец, бывший некогда наряду с Петренко одним из приближенных к Воронину офицеров. Надо заметить, что раскол в клане назревал давно, а заявление генерала о том, что «Долг» отказывается участвовать в штурме Саркофага, стало последней каплей, переполнившей терпение Черепа и его единомышленников. Их братия постоянно роптала на политику Воронина и требовала от него более решительных действий в отношении враждебных нам кланов. Генерал в свою очередь всегда осуждал подобный радикализм. Вступать в открытую конфронтацию со всеми, кто не разделял идеалы «Долга», означало развязать в Зоне полномасштабную войну,

чреватую немалыми человеческими жертвами. Если кто и выиграл бы от этого, то только «Монолит». Будучи самой могучей силой в Зоне, он попросту позволил бы «Свободе», «Долгу», наемникам и прочим группировкам сначала обескровить друг друга, а потом нанес бы по ним добивающий удар и стал единовластным хозяином Зоны.

По этой же причине Воронин не повел нас на ЧАЭС, куда так рвался Борис. Генерал предвидел, что оборона сектантов запросто отразит неорганизованную стихийную атаку, какой бы массовой она ни была. Что в итоге и случилось. Ослушавшаяся приказа фракция Черепанова – а это ни много ни мало была практически четверть нашего клана! – также понесла серьезные потери и отступила, скрывшись в районе Свалки и Темной Долины. Где по сей день, именуя себя отрядом «Буян», грызлась с остатками другого изрядно потрепанного при штурме клана – «Свободы». Оттуда же, очевидно, прибыла и подкараулившая меня группа раскольников во главе с младшим братом Черепа – Веней Черепком. На кой только хрен, хотелось бы знать?..

Я пошевелил руками-ногами и отметил, что Черепок прав: я действительно впал в пораженческое настроение от банального удара по спине, пусть и крепкого. Стыд и срам! В приличном сталкерском обществе за это засмеять могут. Теперь думать о бегстве было поздно, о сопротивлении – глупо, а о самоубийстве – неохота. Да и не станут они расстреливать меня, надумай я броситься под их пули с воплем «банзай!». Не прикончили сразу, сейчас не прикончат и подавно. Влепят в живот еще одну резиновую пулю, а потом ботинками по ребрам пройдутся для острастки. Сказал же Веня: делайте с Мракобесом что хотите, лишь бы он разговаривать мог.

Вот только о чем мне с ними толковать? У нас и прежде не находилось общих тем для разговора, а за тот год, что мы не виделись, я даже здороваться с «буянами» расхотел. А вот они, кажется, нет. Разве только их нынешнее приветствие даже близко не напоминает пожелание доброго здоровья.

– Как самочувствие, Мракобес? – участливо поинтересовался Встанька, держа меня на мушке автомата. – Сам идти сможешь? А то ежели придется тебя еще из канавы на своем горбу тащить, боюсь, мой радикулит мне этого не простит.

– Не хнычь, сам дойду, – буркнул я, медленно поднимаясь на ноги. Спина болела так, словно по ней припечатали ломом, но само падение с откоса не причинило мне вреда. Чего нельзя было сказать о подъеме, который грозил закончиться

для меня в лучшем случае парой зуботычин, а в худшем – каким-нибудь увечьем. Воображение в этом плане у раскольников богатое.

Пока я, кряхтя от боли в спине, карабкался на склон, Встанька подобрал мой «Абакан» и, повесив его на плечо, двинул за мной, готовый, если что, прострелить мне задницу. Я ему такой повод предоставлять, естественно, не собирался. Хотя, будь у Встаньки желание истратить на меня лишний патрон, он сделал бы это безо всякого повода, просто от души. Встаньке было уже за сорок, командуящему им Черепку – от силы двадцать пять, однако Веня не шибко уважал своего ветерана. Странно, почему тот вообще связался с раскольниками. Насколько я помнил, под командованием Воронина ему тоже жилось припеваючи.

Паче чаяния, в морду я не получил. Напротив, Черепок с приятелями протянули мне руки и подсобили выбраться из ложбины. Правда, лишь затем, чтобы тут же связать запястья снятой с Бульбы гароттой и погнать куда-то в сторону леса. Под началом Черепка помимо Встаньки и поигрывающего моим мачете калмыка Али-бабы находилось еще трое бойцов: земляк и неизменный напарник последнего – Сим-сим, угрюмый крюконосый дылда Гоша Багор, а также удерживавший гаротту за палку и страховавший меня от глупостей дюжий поляк Гжегож, коего мы в свое время окрестили Жегловым, исключительно из-за созвучия его имени с фамилией знаменитого советского сыщика. Больше ничего общего у этих двух Жегловых не было.

Выстроившись друг за другом, мы перебрались через рассекающую поляну балку – настолько узкую и заросшую, что я даже не заметил ее в бинокль, когда изучал окрестности. В ней и прятались повязавшие меня «буяны». И теперь они торопились убраться с открытого пространства в ближайший лесок, дабы не маячить на виду поблизости от Бара – заведения, где им сегодня вряд ли окажут теплый прием.

Лесок этот пользовался у нас дурной славой. Аномалии в нем плодились урожайнее, чем мичуринская клубника, и все шестеро бывших должговцев отлично об этом помнили. Но проводник группы Сим-сим уверенно вел нас туда, куда я на их месте сроду не сунулся бы по доброй воле. Что за нужда загнала в наши края компанию раскольников, они мне признаваться не спешили. Но я не утруждал себя расспросами. Даже если Веня не выложит передо мной карты, я догадаюсь о цели его визита в наши палестины по задаваемым им вопросам.

И Али-баба, и его земляк всегда казались мне не настолько матерыми сталкерами, чтобы доверять им обязанности проводников. Но сегодня я был вынужден изменить о них свое предвзятое мнение, ибо Сим-сим на моих глазах совершил подвиг, на который до него еще не отваживался никто из долговцев. А коли отваживался, то непременно с позором отступал от аномального леса. Наши звуковые детекторы аномалий верещали так, что, казалось, у них вот-вот перегорят пищалки, а атмосфера в лесу была пропитана чем-то незримым, но заставлявшим воздух буквально застревать в горле. Проку от респираторных масок не было. Мы задыхались и кашляли, но все равно продолжали шаг за шагом углубляться в лес.

Едва я сбавлял темп, Гжегож тут же подталкивал меня палкой от гаротты и бубнил по-польски что-то грубое. Мне оставалось уповать лишь на то, что Черепок знает, куда он нас гонит. А иначе каждый из этих «буянов» с легкостью завоюет титул «камикадзе месяца», присваиваемый посмертно сетевым голосованием сталкеров тому, кто из-за непомерной самоуверенности обрек себя на наиболее глупую, по общему мнению, гибель. Уверен, сетевое сообщество долго рукоплескало бы нашему добровольному сошествию в бурлящий аномальный котел.

По каким приметам ориентировался Сим-сим, было известно лишь ему одному. Куда ни глянь, повсюду нас окружало дрожащее полупрозрачное марево. Периодически то здесь, то там промеж вязов и ясеней сверкали молнии, а сами деревья или начинали раскачиваться невпопад, или на глазах меняли свою форму, но при этом не трещали и не ломались, как будто были резиновыми. Почва под нами тоже ходила волнами, прогибалась и колыбалась, словно студень, но ноги почему-то в нее не проваливались. И чем дальше, тем окружающее нас безумие становилось все сильнее и сильнее.

И когда я уже был готов удариться в панику и потребовать у Черепка сжалиться и пристрелить меня, игравшая с пространством, как с пластилином, аномалия прекратила буйствовать и исчезла бесследно. Дышать вновь стало легко, деревья успокоились, а земля обрела привычную твердость. Обернувшись, я увидел, что мы удалились от опушки в глубь леса всего на дюжину шагов, однако по субъективным ощущениям я прошагал в компании раскольников-самоубийц не менее полутора сотен метров. Хорошенькие шуточки, слов нет. Хоть бы предупредили, ироды, что все это ненадолго. А то продлись наше путешествие сквозь резиновый лес еще хотя бы пару минут, и Веня точно разговаривал бы потом не с Мракобесом, а с чокнутым психом.

– А вы умеете развлекаться, парни, – заметил я, дыша так, будто только что пробежал на время стайерскую дистанцию. – Что это было? Какая-то фата-моргана?.. Ну и здоровенные же памперсы вам, небось, пришлось надевать, когда вы первый раз этой дорогой шли, верно?

– Захлопни пасть! – рыкнул в ответ Черепок, а Жеглов подкрепил его слова, в очередной раз стукнув палкой мне по запястьям. Я решил, что подтрунивать над этой публикой себе дороже, и покорно прикусил язык. Загривком чую, что так и так еще получу сегодня на орехи, поэтому зачем выпрашивать сверх положенного?

Гадать о природе подобных аномальных явлений в Зоне – дело в высшей степени неблагоприятное. Тот же разрушенный «Монолитом» Небесный Паук, к примеру, являл собой куда более любопытную загадку. Что действительно волновало меня в настоящий момент, так это собственная судьба. Впрочем, тут уже не требовалось иметь семь пядей во лбу, чтобы предсказать, что случится после нашей с Веней беседы. «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить...» Прямым в Ад, ибо вряд ли райский фэйс-контроль – святой Петр – пропустит меня на идущую в небесном клубе закрытую вечеринку праведников.

Ширина этого леска, который на наших ПДА-картах имел форму продолговатой блесны, не превышала полукилометра. Не успели мы углубиться в него, как впереди, в просветах меж деревьев, уже забрезжила противоположная опушка. Однако «буяны» не стали шагать к ней, а свернули влево и вскоре вышли к бревенчатой избушке – не то охотничьему домику, не то складу служившего здесь четверть века назад лесничего. Казалось, пни ее посильнее и ветхий – пять на пять шагов – сруб моментально развалится в труху. Потемневшие от времени, замшелые бревна сливались с серыми стволами растущих окрест деревьев, а скопившиеся за многие годы на крыше сломанные ветром ветки и пожухлая листва лишь усиливали естественную маскировку домика. Не знающий о нем человек мог пройти неподалеку от этой постройки и даже не заподозрить о ее существовании.

Двери во входном проеме не было – от нее остались лишь прибитые к косяку ржавые петли. Вместо окон в стенах были пропилены узкие, шириной в одно бревно, щели, а вся мебель состояла из разнокалиберных чурбаков, заменявших стулья. Печка также отсутствовала, зато в углу обнаружилась стопка свернутых армейских одеял, примус и чайник, а на газете, расстеленной прямо на земляном полу, остались следы недавнего завтрака – в домике до сих пор пахло

разогретыми рыбными консервами и гренками. По всем приметам, шестерка раскольников провела минувшую ночь именно здесь, а не где-то еще.

Гоша Багор выкатил на середину избушки крупный чурбак, а Гжегож грубо усадил меня на него и остался стоять позади, готовый пресечь мои попытки к сопротивлению. После чего Гоша забрал примус, чайник и реквизированный у меня коньяк и вышел, оставив в тесном домике лишь меня, поляка и Черепка. Прочие «буяны» расположились снаружи у двери, решив тоже быть в курсе событий и заодно устроить чаепитие.

– Чем тебе помешал покойный Бульба, Веня? – с укоризной поинтересовался я. – Насколько я в курсе, ни ты, ни твой брат не имели к нему никаких претензий. Как, впрочем, и ко мне. Но если бы такие претензии и были, ты что, на полном серьезе хотел предъявить их воскресшему мертвецу?

– Верно толкуешь, Мракобес. Сказать по правде, мне и Борису уже давно плевать на вас, мягкотелых говнюков, и ваши дерьмовые убеждения. – Черепок снял ранец, поставил в угол автомат и, взяв еще один чурбак, уселся на него напротив меня. – Однако мы пригласили тебя сюда не о политике трепаться и выяснять, за кем правда, за Ворониным или Черепом. Все намного проще, поверь. Настолько просто, что когда ты узнаешь, почему сидишь на этой чурке, тебе даже станет смешно от того, что ты сам не догадался о таком пустяке... Знаешь Тишку-Барыжку?

– Кто ж его не знает! – подтвердил я. – «Любой контрафакт за ваш артефакт», – так, кажется, Тишка любил приговаривать, когда в Баре клиентов себе подыскивал... А что с ним случилось?

– Недавно Барыжка здорово сглупил, подвязавшись снабжать «Свободу» лекарствами, да еще по демпинговым ценам, – просветил меня раскольник. – Брату это не понравилось, и он утопил Тишку в «киселе». Нелепая смерть, если задуматься. Особенно для такого тертого контрабандиста, как он. Ну как можно было соглашаться на такую работу, зная, что это сильно разозлит Черепка?

– Ха! – фыркнул я. – Вся Зона была в курсе, что Барыжка – слуга не то что двух, а целой дюжины господ! Да на кого он только одновременно не работал: на нас, на «Свободу», на наемников, на «Грех», на Болотного Доктора... Может, и на «Монолит», хотя Барыжка всегда клялся, что не имеет с сектой никаких дел. В

Зоне разве что кровососы и снорки не торговали с Тишкой, хотя лично я не стал бы утверждать с полной уверенностью... И никто на него за это отродясь не обижался. Потому что Тишка был нашим вторым солнцем: одинаково светил всем – и правым, и неправым... Знаете, что вы наделали? Вы предали и без того святого человека мученической смерти, сделав его еще более святым! И если Господь все же не брезгует заглядывать в наши края, он ни за что не простит вам это судилище!

Черепок скривил презрительную гримасу и рассмеялся. Гжегож тоже издал короткий смешок, а сидевший на пороге избушки Встанька воскликнул «Ну загнул!» и прихлопнул себя по коленке, словно я поведал им не общеизвестную истину, а несусветную ересь.

– Ишь куда замахнулся: Тишку – в ранг святого! – подивился Веня, переглянувшись с приятелями. – Интересно, как ты запоешь об этом проныре, когда узнаешь, за что он пытался выкупить у нас собственную жизнь.

– Видать, мало предлагал, раз все-таки не выкупил, – заметил я.

– Как знать, – пожал плечами раскольник. – Барыжка, конечно, клялся и божился, что говорит нам чистейшую правду. Но ничем другим, кроме этих клятв, он свои слова не подтвердил, а милость Черепа стоит значительно дороже. Вот у тебя, к примеру, шансов купить ее намного больше. Просто отдай нам вашу с Бульбой секретную коллекцию раритетов, о какой трепался Тишка, и мы с тобой расстанемся по-хорошему.

Эх, Тишка, Тишка! Никаким святым ты, ясен пень, не являлся, но торгашом был от бога, это факт; от бога торговли Меркурия, если быть точным, ибо сомнительно, чтобы христианский Бог одаривал своих рабов столь могучим торгашеским талантом. Поэтому вдвойне поразительно, как тебе с твоим подвешенным языком не удалось отбрехаться от нападок Черепа. Видать, и впрямь крепко он на тебя насел, раз ты нарушил собственный кодекс и взялся выдавать чужие коммерческие тайны, в которые был посвящен. Включаю тайну нашего с тобой долговременного сотрудничества, о которой помалкивал все эти годы.

Тишка-Барыжка принадлежал к той породе торговцев, которые дорожат своей репутацией и стремятся к тому, чтобы их считали прежде всего людьми слова, а

уже потом – прожженными дельцами. До того, как ударить с вами по рукам, Тишка мог торговаться сутки напролет, но после заключения договора безукоризненно соблюдал его условия. В пользу Тишки говорил тот факт, что «Долг» при каждой оказии отправлял с ним партии артефактов для работающих в Зоне ученых. Любой недобросовестный посредник, заполучив на руки такой товар, вмиг плюнул бы на договор и слинял вместе с грузом, чтобы наварить на его продаже гораздо больший куш. Но только не Барыжка. Поэтому он имел в Зоне такой широкий круг постоянных клиентов. И потому мы с Бульбой наняли в свое время Тишку, дабы он относил найденные нами компоненты Полынного Слитка Болотному Доктору.

– Чего-чего? Коллекцию... раритетов? – недоуменно наморщив лоб, переспросил я. – Совершенно не понимаю, о чем речь. Похоже, перед смертью вы запытали Тишку настолько, что бедолага капитально умом тронулся. Единственная коллекция раритетов, какая у меня есть, – это набор советских марок. С превеликим удовольствием обменял бы сейчас на них собственную жизнь. Вот только не знал, что однажды они мне позарез потребуются, и потому, извини, не прихватил с собой в Зону ни одного альбома.

Черепок с сожалением вздохнул и поглядел на Жеглова. Тот без слов понял, что от него нужно, и отвесил мне крепкий подзатыльник. Я вовремя сообразил, что сейчас произойдет, поэтому успел втянуть голову в плечи и стиснуть зубы. Не сказать, чтобы это помогло, но, по крайней мере, язык я не прикусил.

– Полегче, ты, громила! – оглянувшись, возмутился я. – Или думаешь, мордобоем вы чего-то добьетесь? Ну, сознаюсь я под пытками, что у меня припрятана где-нибудь коллекция тех самых раритетов, о каких вам Барыжка перед смертью нашептал. Ну, соглашусь я провести вас к ней, надеюсь, что в пути выгадаю момент и задам деру. Вы мне этого, естественно, не позволите, притащимся мы на место, и что дальше? Раритетов там не окажется, и мне придется изобретать новую отмазку и опять врать вам с три короба. В итоге ваше терпение лопнет и вы один черт накормите меня «Киселем», как Тишку. Так не лучше ли поступить рациональнее и пристрелить меня прямо здесь и сейчас?.. Только сначала хотя бы вкратце намекните, что это, мать их, за раритеты. А то, согласитесь, глупо будет подохнуть непонятно из-за чего.

Причина, по которой «буяны» не стали с ходу тыкать меня носом в список артефактов Болотного Доктора, была проста. Веня был чуть поумнее своего старшего братца: там, где второй обычно рубил сплеча и шел напролом, первый

предпочитал действовать осторожно и исподволь. Вот и сейчас он не выкладывал передо мной все выпытанные у Тишки подробности, ожидая, когда я от волнения проболтаюсь и сам подтверждаю таким образом правоту Тишкиных слов. Говоря о моей коллекции, Черепок нарочно не упоминал про то, что она состоит из артефактов, предлагая мне своими устами произнести ключевое слово. Я же продолжал косить под дурачка, изображая полное непонимание, хоть и знал, чем это чревато. Мало ли что я запою, когда дело дойдет до пыток, но начинать колотиться от первого же подзатыльника Лене Мракобесу было попросту несолидно.

– Хорошо, давай освежим тебе память. – Раскольник полез в карман комбинезона и вытащил оттуда пухлый потрепанный блокнот. Книжица эта некогда принадлежала Тишке и была известна всем его клиентам. В отличие от прочих бродяг, Барыжка не любил оставлять заметки в ПДА, а предпочитал документировать свою «бухгалтерию» по старинке, педантично занося в блокнот детали каждой заключенной сделки. Что ни говори, а Веня раздобыл действительно ценный компромат, способный пролить свет на теневые делишки многих сталкеров.

– А шифровальщик из Тишки был так себе, – поморщился Черепок, пролистав блокнот и остановившись на нужной странице. – Даже поступи он как герой и не выдай нам тебя и прочих богатеньких буратинок, думаю, вскоре мы и сами разобрались бы в его иероглифах. Вот, взгляни-ка.

Вымогатель ткнул мне в лицо исписанную мелким почерком страницу, в верхних уголках которой красовались две маленькие картинки. Художник из Барыжки был такой же аховый, как шифровальщик, но разобрать, что именно изображено поверх его каракулей, было можно. В левом углу страницы находился маленький чертик с рожками, хвостиком-стрелочкой и трезубцем. Справа Тишка, как в учебнике ботаники, нарисовал растущий в земле куст, в коем по специфической форме корней угадывался картофель. И кустик этот был перечеркнут аккуратным крестиком.

Черт и картошка. Мракобес и Бульба.... Можно было, конечно, оспорить версию Черепка, заявив, что черт и Мракобес – это вовсе не синонимы, а стало быть, не факт, что в Тишкиных записях упоминаемся мы с Бульбой. Вот только интуиция подсказывала мне: раскольники обсмеют мои контраргументы, поскольку они, как и Тишка, также не намеревались разбираться в подобных лингвистических нюансах.

– Извини, Веня, но я с детства страдаю дислексией и совершенно не могу воспринимать чужой рукописный текст, – опять соврал я, прищурившись и старательно делая вид, будто пытаюсь разобрать идеограммы Тишки. – Что там написано?

– Здесь написано, что за последние два года ты и твой скопытившийся кореш регулярно передавали для Болотного Доктора ценные подарки, – сделал мне одолжение Черепок. – Именно подарки, потому что Доктор не давал вам взамен ничего. И поскольку, кроме вас, больше никто в «Долге» не одаривал старика артефактами, надо понимать, Воронин о вашей благотворительности не ведает ни сном ни духом. Какие отсюда следуют выводы?

– И какие же?

– Очевидные, тупица! – Веня мало-помалу начинал выходить из себя. – Всем в Зоне известно, что болотный чудотворец посвящен в такие ее секреты, за которые большинство сталкеров мать родную готовы продать. Одно только чудо ему не по зубам: телепортация с места на место. Вот и приходится ему нанимать подручных для разных конфиденциальных поручений. Таких подручных, как ты. Пронюхает, к примеру, Доктор с помощью своей «магии» о новом месторождении артефактов и, пока никто другой его не обнаружил, оперативно скидывает тебе информацию. Дескать, там и там сегодня есть в наличии это и то. То можешь забрать себе, а это, будь добр, найди и переправь мне, заранее благодарен, до связи... Превосходная взаимовыгодная схема сотрудничества, я прав?

– Безусловно, – кивнул я. – Уверен, именно так Болотный Доктор и поступает. Но что бы ни болтал Барыжка, повторяю: я к их с Доктором аферам абсолютно непричастен. А жаль: будь я с ними в доле, сегодня сидел бы на целой горе артефактов и поплеывал с ее вершины на вас, неудачников, вынужденных обшаривать половину Зоны ради какого-нибудь жалкого «выверта».

– Про гору артефактов – это ты, Мракобесик, очень кстати речь завел, – ехидно потеряв ладони, осклабился Черепок. – Ведь врешь, паршивец! Врешь, сучара, мне прямо в глаза и не краснеешь! Ежели вы с Бульбой настолько безгранично доверяли Барыжке, что передавали с ним докторскую долю, то почему не воспользовались Тишкиными связями, дабы сплавить из Зоны свою? Тем более что пока вы не связались с Доктором, вам частенько приходилось сбегивать

через Тишку за Кордон свой «неуставной капитал». Доктор – мужик с понятиями и явно отстегивал вам от своего хабара за риск и хлопоты втрое-вчетверо больше, чем забирал сам. Так где же лежит сегодня эта могучая кучка артефактов, раз она не пересекла периметр Зоны, а? Где, Мракобесик? Отвечай, пока я тебя по-хорошему спрашиваю... Жеглов!

Поляк не заставил просить себя дважды и вклеил мне очередную затрещину, от которой я слетел с чурбака и грохнулся на пол. От удара в ушах у меня пронзительно зазвенели цикады, а перед глазами заплясали светлячки. Такая вот, мать ее, суровая прикладная энтомология...

Поскольку упал я прямо под ноги Вене, тот не удержался от соблазна тоже двинуть мне в морду. Что и сделал дважды с откровенной лентой, не отрывая зада от чурбака. Ожидая новых побоев, я не спешил подниматься с пола, но Гжегож, дернув за гаротту, дал понять, чтобы я вернулся на место. Во избежание более доходчивых намеков пришлось ему подчиниться.

– Что ж, теперь понятно, зачем вам понадобился Бульба! – сплюнув кровь, скумекал я что к чему. – Прослышали, будто воскрешенный Пеплом мертвец может подчиняться простейшим командам, и решили заставить Бульбу вывести вас к нашему тайнику. Однако что-то пошло не так, верно? Что же именно?

– Верно мыслишь, бродяга, – подтвердил Черепок. – Иначе на хрен бы ты нам сдался, сам посуди. Хотели раньше прийти, но одна сведущая душа шепнула, что послезавтра вроде как годовщина со дня смерти Бульбы намечается и ты наверняка к нему на могилку притопаешь. Грех было упускать такую возможность, поскольку на мертвеца мы, честно сказать, особо не рассчитывали. Так оно и вышло. Проку с твоего Бульбы оказалось не больше, чем с обычного жмурика. Ходит, бурчит чего-то под нос, а командам подчиняться – ни в какую! Ладно, думаем, подождем малость, авось Мракобес пожалует. И правда: часа не прошло, а ты тут как тут! Аллилуйя, братья! Воистину одним выстрелом двух зайцев подстрелили!.. Итак, в последний раз по-человечески спрашиваю: где вы прячете свое добро? Только попробуй, сукин сын, опять вякнуть, что я фантазирую! Обещаю, через пять минут ты будешь завидовать Тишке, что он так легко отделался!..

Спустя пять минут я не завидовал Барыжке лишь потому, что решил поведать «буянам» всю правду. Попросив мысленно прощения у Бульбы, я раскрыл наш секрет, полагая, что у Вени хватит мозгов понять, что я с ними совершенно

искренен. Страсть как не хотелось исповедоваться перед вымогателями, но, с другой стороны, не такая великая сегодня это была тайна, чтобы сносить ради нее пытки. Пусть раз и навсегда усвоят, что никакого тайника у меня нет, а мое единственное богатство – это все, что раскольники выудили из моих карманов. В общем, верьте не верьте, джентльмены, а я выложил вам все как на духу. Поэтому поступайте как знаете – добавить к вышесказанному мне совершенно нечего.

– Какая трогательная история, – резюмировал Черепок, покачав головой. По его издевательскому тону было очевидно, что он мне не поверил. – И каким бессердечным злодеем ты меня в ней изобразил! Дескать, подозреваю за людьми только плохое, а они-то, оказывается, вынашивают сплошь чистые помыслы и от доброты душевной артефакты направо-налево раздают... А ведь твоя правда: злодеев вроде меня еще поискать! Даже диву даюсь, как Веню Черепанова до сих пор земля носит... – И повернувшись к выходу, крикнул: – Гони стольник, Встанька! Я выиграл: без членовредительства сегодня не обойдется. И чего, спрашивается, спорил со мной, старый олух?.. Эй, я к кому обращаюсь? Услыхал про деньги и сразу оглох, что ли?

– Нет его! Отлить пошел! – отозвался вместо Встаньки Гоша Багор. Он и калмыки сидели на траве возле крыльца, попивали чаек с моим коньяком и прислушивались к доносившемуся из двери нашему разговору.

– Видел я, как он ушел. Это было пять минут назад! – нахмурился Черепок.

– Ну... может быть, не только отлить, – глубокомысленно заметил на это Багор, затем нехотя поднялся и, приложив ладони ко рту рупором, крикнул: – Встанька! Эй, Встанька, черт тебя дери! Хорош придуриваться, я ж вижу, за какими кустами ты сидишь! Заснул, что ли?!.

Эхо Гошиного крика пронеслось по воздуху и угасло, после чего секунд пять в лесу стояла глухая тишина. Пятеро раскольников и я вместе с ними сосредоточенно прислушивались, не откликнется ли ушедший до ветру Встанька, который, если верить Багру, расположился в кустах неподалеку от избушки.

Никакого ответа.

– Вот дерьмо! – выругался Черепок, вскакивая с чурбака. – Ну чего рты раззявили?! Тревога, мать вашу!..

Глава 3

Заразившись общим волнением, я тоже попытался вскочить на ноги, но бдительный Гжегож тут же пнул меня в спину и уронил на пол.

– Лежать, гнида! – приказал он мне с такой убедительностью, что ему уже не было нужды добавлять «А встанешь – пристрелю!». Все, что я мог видеть, распластавшись ниц у двери, – это небольшой клочок леса и вскинувших автоматы «буянов». Черепок, Гоша и Сим-сим целились в ту сторону, где, судя по всему, находился Встанька, а повернувшийся к ним спиной Али-баба их прикрывал. Оставшийся со мной Жеглов встал у оконца и взял под наблюдение тот край леса, который был заслонен от его приятелей избушкой. Никаких окликов больше не раздавалось. Теперь Веня и прочие общались между собой жестами и лаконичными фразами и не стремились бросаться на выручку притихшему в кустах Встаньке. Та беда, что с ним приключилась, могла настичь любого, кто к нему приблизится. И даже если жертва неведомой напасти еще жива, это отнюдь не означает, что кто-то должен рисковать ради нее собственной жизнью. По крайней мере, пока доподлинно не выяснится, каковы шансы на успех у спасателя и спасаемого.

Несколько минут раскольники вслушивались в тишину и всматривались в полумрак леса, ожидая от Зоны очередной подлянки, но так и не дождались. После чего решились-таки помочь Встаньке: достали из ранца Сим-сима моток капронового троса и, связав из него лассо, двинули в направлении подозрительных кустов. Али-баба, ни на миг не ослабляя бдительности, все так же прикрывал приятелям спины. Гжегож переходил от окна к окну и периодически бил мне каблуком между лопаток. И неважно, шевелился я перед этим или нет. Поляк пинал меня всякий раз, когда переступал через мое распластанное на полу тело.

Спасатели пропали у меня из виду и, судя по всему, приступили к набрасыванию аркана на недвижимого Встаньку. Делалось это явно с безопасного расстояния, что отнюдь не благоприятствовало меткости бросков. К тому же вряд ли кто-то

из раскольников владел навыками ковбоя, о чем свидетельствовали долетающие в избушку раздраженные пререкания.

Я был готов к любым неожиданностям, какие могли подстергать меня и моих врагов в аномальном лесу, но то, что стряслось затем, не имело к проискам Зоны никакого отношения. Не прошло и минуты, как метатели лассо скрылись с глаз, а я уже заработал от Гжегожа полдюжины тумачков. Безусловно, поляк пребывал на взводе, и в скором времени «буяны» так и так намеревался предать меня пыткам, однако кто сказал, что я должен сносить побои безропотно? Когда же очередной пинок Жеглова пришелся мне не в спину, а по затылку и я стукнулся лбом об пол, мое терпение лопнуло. Негодуя, я перевалился на бок и набрал в грудь воздуха, собираясь высказать все, что думаю о Гжегоже и его польской матери. Но слова так и застряли у меня в глотке, поскольку в этот миг раскольник нарвался на нечто более острое, чем моя брань.

Подойдя к окну, Жеглов заметил краем глаза, что я решил возроптать, и резко обернулся, намереваясь пресечь мою попытку в зародыше. Не сделай он этого, и ударивший в окно кинжал, сжимаемый рукой в перчатке, угодил бы поляку точно в глаз. Но Гжегож отвернулся и карауливший его снаружи убийца промазал, лишь разрезав вымогателю щеку от мочки уха до носа.

В момент этой атаки автомат поляка был направлен мне точно в грудь. Я инстинктивно сжался, не сомневаясь, что первым делом разъяренный Жеглов расстреляет меня, а потом высунет ствол в окно и прикончит того, кто покусился на его жизнь. Атаковавший «буяна» враг сплеховал, и сейчас его несостоявшаяся жертва откроет огонь и поднимет тревогу...

Но Гжегож отреагировал самым непредсказуемым образом: застыл как вкопанный с вытаращенными глазами и открытым ртом, откуда вместо крика вылетели лишь сдавленный сип и бульканье. Автомат в руках раскольника заходил ходуном, а затем в судороге забилося уже все его тело. Кровь из разрезанной щеки хлынула ему на шею, а изо рта внезапно полезла обильная пена. Сохранить равновесие при таком тотальном параличе Жеглов, естественно, не сумел. Качнувшись на одеревеневших ногах, он повалился на меня, не меняя позы, словно статуя. Я попытался откатиться, но не успел. Грузное, облаченное в защитный комбинезон тело рухнуло мне на ноги и накрепко придавило их. Упершись при падении стволом в пол, автомат Гжегожа вылетел у него из рук и брякнулся рядом.

Если бы не выступившая изо рта раскольника пена, я мог подумать о его странном припадке все что угодно. Однако слетающие с губ агонизирующего Жеглова хлопья дали понять, что его враг решил подстраховаться и обработал лезвие своего кинжала нервно-паралитическим ядом. Кто бы теперь сомневался, что убийца поляка имеет прямое отношение к тому, что случилось со Встанькой! И кем бы ни был этот незримый «ангел смерти», в настоящий момент мы находимся с ним по одну линию фронта и мои шансы отделаться от вымогателей значительно возросли.

– Жеглов, что там у тебя?! – окликнул Гжегожа прикрывавший приятелей Алибаба. Они удалились недалеко от избушки, поэтому и расслышали грохот упавшего тела. Вот зараза! Ответить вместо поляка таким же грубым басом у меня не вышло бы при всем старании. Оставался один выход: отмалчиваться. И, разумеется, поскорее избавиться от гаротты, чтобы завладеть лежащим в шаге от меня автоматом.

Сковывавшая запястья петля была сделана из стального троса, поэтому разорвать или перетереть ее обо что-нибудь острое я не мог. Да это мне и не требовалось. На рукояти гаротты имелась подвижная втулка, посредством которой наброшенная на шею животного или человека удавка стягивалась и стопорилась в таком положении. Связав меня, педантичный Гжегож не забыл заблокировать стопор. Попытавшись ослабить петлю энергичными вращениями кистей, я скорее перерезал бы себе вены, чем высвободил руки. Однако подохнув, Жеглов оказал мне услугу, предоставив полную свободу действий. Все, что я должен был сейчас предпринять, – это пропустить через промежность болтающуюся сзади рукоять гаротты, упереть один конец палки в стену и ногой отжать стопорную втулку.

Проделать сей незамысловатый трюк смог бы при необходимости даже старик или ребенок. Но мне для осуществления задуманного мешало лежавшее у меня на ногах мертвое тело. Оно содрогалось в затухающих конвульсиях и, обладая внушительным весом, не позволяло вытащить из-под него лодыжки. Будь у меня свободны руки, я быстро спихнул бы с себя труп. Но по злой иронии судьбы в этой задаче действия были выстроены в обратном порядке, отчего рациональное решение отсутствовало напрочь.

– Жеглов! – вновь гаркнул калмык. Голос его прогремел прямо за стеной. Я снова попытался рывком высвободить ноги, и снова безрезультатно. А «ЗИГ» Гжегожа лежал от меня на расстоянии вытянутой руки – такой близкий и одновременно

такой недоступный...

– Мужики, Мракобес поляка завалил! – проорал Али-баба, так и не дождавшись ответа из избушки. – Точно вам говорю!

– И Встаньку кто-то прирезал! – известил его в свою очередь Сим-сим. Они с приятелями только что осмотрели первое тело и выявили причину его смерти, благо для этого не требовалось быть судмедэкспертом.

– Обложили, уроды! – присоединился к ним Гоша Багор. – Говорил я вам, что Мракобес один за нами не пойдет, а подмогу вызовет, – не поверили! Теперь, блин, подыхай тут с вами ни за хрен собачий!

– Хватит блажить, истеричка! – прикрикнул на него Черепок. – Долговцы совсем близко окопались! Прятаться тут особо негде, так что давай поднимем их с земли! И Мракобеса этого кончай! Огонь!

Четыре автомата заговорили вразнобой короткими очередями. «Буяны» взялись дружно обстреливать все потенциальные укрытия противника, а также одно явное – избушку. Я вжался в пол, зная, что ее ветхие стены не спасут меня от автоматных выстрелов. Многие выпущенные по мне пули прошивали трухлявое дерево насквозь, но некоторые все-таки застревали в бревнах, и потому внутри домика было малость поспокойнее, чем снаружи. Хотелось надеяться, что таинственный каратель надежно спрятался и не полез под шквальный огонь раскольников.

Оказавший мне медвежью услугу труп громилы-поляка теперь, напротив, защитил меня от свинца. Благодаря тому, что пули летели с одного направления – от двери, я прекратил дергаться и, насколько позволяли придавленные лодыжки, сместился на полу так, чтобы мертвец стал моим щитом. Несколько раз тело Жеглова вздрагивало от попадавших в него пуль, каждая из которых могла при ином раскладе впиться в меня. Что ж, мне следовало выразить поляку посмертную благодарность, пусть даже при жизни он был со мной не слишком любезен.

Огонь прекратился тогда, когда, по моим расчетам, каждый раскольник израсходовал по магазину. Каковы их успехи, они пока не знали, но в ответ им не грянуло ни единого выстрела. А вот это очень плохо! Завяжись снаружи

перестрелка, она оттянула бы на себя всех врагов, дав мне возможность под шумок полностью освободиться и загрузить жегловский автомат. Отсутствие же ответного огня вынудит Черепка справиться о моем самочувствии, которое сейчас никак не соответствовало его чаяниям. Чему, впрочем, Веня не особо расстроится, ибо ему хватит всего одной пули, чтобы исправить свою ошибку.

Приподняв голову и выглянув в дверь, я с ужасом понял, что все именно так и складывается. Держа автомат на изготовку, Али-баба крался к избушке, а Черепок, Гоша и Сим-сим, сменив магазины, заняли позиции за ближайшими деревьями и старались осторожно высмотреть, уколошили они кого-нибудь или нет.

Что ж, похоже, на сегодня лимит моего везения исчерпан. Впрочем, опять-таки с какой стороны посмотреть. Я заработаю пулю в лоб, зато избегну пыток. Иными словами, выберу из двух зол меньшее. Чем не везение, учитывая, сколько погибших в Зоне сталкеров были лишены перед смертью даже такого сомнительного выбора?

– Живучий, сукин сын! – воскликнул нарисовавшийся в дверном проеме Али-баба, когда увидел меня, целого и невредимого.

По идее, эти слова должны были стать последними словами, что я услышал в своей жизни. Однако судьба, игравшая мной сегодня, как щенок ботинком, рассудила иначе. Стоило лишь ей небрежно щелкнуть пальцами, и брошенное Али-бабой восклицание стало эпитафией не мне, а ему самому. Жаль только, калмык этого так и не понял. А иначе он обозвал бы меня живучим не со злорадством, а с завистью.

Выстрела, который прикончил Али-бабу, я не расслышал. Выпущенная моим таинственным ангелом-хранителем пуля вошла калмыку в затылок и вышла из лба, вмиг стерев у него с лица не только победоносную ухмылку, но и в буквальном смысле само лицо. Осколки костей и ошметки мозга разлетелись брызгами, словно брошенное в вентилятор дерьмо, а наполовину обезглавленное тело перевалилось через порог и плюхнулось на пол, выставив мне на обозрение свой развороченный череп. Миг, и в тесной избушке стало еще теснее от лежащих вповалку двух мертвецов и затесавшегося между ними меня.

Всего пару секунд маячил Али-баба в дверях, загораживая мне видимость. Но за это время перед входом в избушку тоже успело случиться кое-что крайне любопытное. Прятавшийся доселе за деревом Гоша Багор, выронив автомат, стоял на коленях и, выпучив глаза, держался обеими руками за горло. Из рта, а также сквозь пальцы у него хлестала кровь. Все ясно: прежде чем прикончить Али-бабу, стрелок всадил пулю в некстати высунувшегося из укрытия Багра.

Избежавшие подобной участи Черепок и Сим-сим, не сговариваясь, попадали наземь, дабы не стать легкими мишенями. В отличие от меня они наверняка слышали оба выстрела. Каким бы хорошим глушителем ни было оснащено оружие, в бою на средней дистанции, да еще в минуту затишья звуки приглушенной стрельбы все равно долетели бы до ушей противника.

Но больше всего «буяны» были ошарашены, конечно, не услышанным, а увиденным. Их враг не поддавался на провокации и нападал тогда, когда считал нужным. Навязываемый невидимкой темп боя был неровным, отчего предугадать его выпады оказалось крайне сложно. Своим коварным выжиданием он сбивал с толку, заставлял сомневаться и деморализовывал будущих жертв. Веня был опытным сталкером, но, похоже, раньше ему не доводилось противостоять такому хладнокровному сопернику.

Впрочем, раскольники и сами быстро смекнули, что затягивание боя им не выгодно. Обменявшись выразительными жестами, Черепок и Сим-сим достали каждый по паре гранат, вырвали из них предохранительные кольца и, кивнув друг другу, расшвыряли гранаты во все стороны. После чего припали к земле и заткнули уши.

Чертыхнувшись, я был вынужден поступить так же – одна из брошенных Сим-симом гранат стукнулась в стену домика. Прежде чем я вжался в пол, мне почудилось, что за окнами промелькнула чья-то тень. А может, вовсе и не почудилось. Если незримый каратель находился рядом с избушкой и не проморгал гранатную атаку, спрятаться от взрыва за бревенчатой постройкой было для него наилучшим выходом.

Через разрывов сотрясла воздух, учинив снаружи маленький, но яростный ураган. Громыкнувшая возле избушки граната не разрушила стену, а лишь надломила трухлявые бревна, как хороший пинок может вмять бок плетеной корзины. Из-за смещения стены дощатая крыша просела, но до обвала дело не дошло. Лишь несколько оторвавшихся от стропил досок упали на пол, одна из

которых пребольно огрела меня по отбитой Гжегожем спине.

Гранатный обстрел служил лишь подготовкой к отступлению «буянов», поэтому, как только шквал осколков улегся, Черепок и Сим-сим сразу двинули на прорыв. Разбросанные ими во все стороны гранаты указывали на то, что точную позицию стрелка они так и не вычислили. Убегать же вымогатели предпочли туда, откуда пришли – видимо, эта была единственная разведанная ими дорога в сердце аномального леса.

Однако их враг тоже не мешкал. Он и впрямь пересидел осколочную бурю за избушкой, а когда раскольники вскочили с земли, уже ловил их на мушку. Первые его выстрелы предназначались Черепку. Но он, опасаясь именно этого, рванул с места и сразу начал метаться на бегу из стороны в сторону. Поэтому все пули, кроме одной, прошли мимо Вени, а та, что угодила в него, прострелила ему бедро. Несшийся сломя голову Черепок споткнулся и, выронив автомат, закувыркался по траве. Но вскоре врезался в подвернувшееся ему на пути дерево и остановился.

Сим-симу повезло больше. Калмык также увернулся от большинства пуль, но одна или две – я увидел это за миг до того, как он скрылся в лесу, – все-таки задела его. Устоял он на ногах или нет, разглядеть уже не удалось. Зато я наконец-то увидел охотника, устроившего это кровавое сафари.

Едва «буяны» отведали свинца, как перед избушкой нарисовалась гибкая худощавая фигура в сером сталкерском комбинезоне. И комбинезон, и винтовка карателя были уникальными, но я почти сразу узнал их, потому что уже имел дело с их хозяином. Или, вполне может статься, – с бывшим хозяином. В Зоне снятые с убитых сталкеров вещи всегда находили себе новых владельцев. Хотя в нашем случае я склонялся к мысли, что признанные мной оружие и экипировка не сменили за минувший год владельца. Уж слишком характерен был почерк, с которым он разбирался со своими, точнее, нашими врагами.

И разборка эта была еще не окончена. Вышедший из тени серый сталкер как раз менял магазин, когда на него с криком набросился один из недобитых им врагов – Черепок. Размахивая ножом и припадая на простреленную ногу, Веня тем не менее довольно резво бежал к противнику. Лицо раскольника заливала кровь – ударившись о дерево, он сильно разбил голову. Вдобавок этот удар, кажется, помутил ему рассудок. Вместо того чтобы искать в траве утерянный автомат, Черепок в горячке схватился за оружие, какое было у него под рукой. Чего

наверняка не сделал бы, будь способен мыслить адекватно. Переть с ножом на человека с винтовкой – заведомо гиблая затея.

Но странное дело: каратель, который только что преподавал всем нам урок мастерской стрельбы, вдруг оплошал, будто школьник, впервые разбирающий автомат на уроке ОБЖ. Когда серый сталкер показался мне на глаза, он нес винтовку в правой руке, но для перезарядки зачем-то переложил ее в левую. Затем отстегнул смотанные изолентой спаренные магазины, но едва собрался поменять пустой на полный, как винтовка внезапно выпала у него из руки, словно он вообще не держал ее. Стрелок попытался поймать выроненное оружие, но не сумел, и оно грохнулось на землю. А осатаневший Черепок уже бросился на опростоволосившегося противника, намереваясь не упустить отличную возможность вогнать нож во вражеское горло.

Уронив винтовку, стрелок тут же прекратил суетиться, бросил рядом магазин и, забыв о них, сосредоточился на бегущем к нему «буяне». У серого сталкера тоже имелся нож, в ножнах на левом предплечье – тот самый нож, которым были убиты Гжегож и Встанька. Поэтому у карателя не оставалось выхода, как снова схватиться за свой кинжал, который не выглядел таким грозным, как Венин «Кабар», зато по смертоносности превосходил его многократно.

Раненый Черепок хромал, но на ногах держался уверенно и к тому же впал в безудержную ярость, словно берсерк. Лично я поостерегся бы недооценивать его как бойца. Серый тоже не стал кидаться грудью на нож, а выждал, пока их с раскольником не разделяли считанные шаги, после чего резко отскочил вбок, не предприняв атаки. Черепок сделал неуклюжий выпад, стараясь дотянуться до ускользнувшего противника, но лишь впустую рассек клинком воздух.

Опасаясь контратаки в спину, «буян» не мешкая развернулся на здоровой ноге, нанося одновременно размашистый рубящий удар. Он был бы вдвойне опасен, окажись у Черепка в руках мое мачете. Однако и обычным боевым ножом он мог шутя распластать противнику горло, угоди каратель ненароком под эту атаку. Но об оборотной стороне такого удара ослепленный гневом Черепок явно позабыл. Или же счел, что оппонент продолжит бегать от него, выгадывая момент для атаки в спину.

Возможно, в иной ситуации серый сталкер и не спешил бы, но поблизости околавивался недобитый приятель бешеного фехтовальщика. Поэтому затягивание боя не входило в планы любителя отравленных клинков. Позволив

врагу нанести новый размашистый удар, он дождался, когда Веня в очередной раз промажет, и мгновенно контратаковал противника, еще не вернувшегося в защитную стойку.

У карателя было крайне мало времени на то, чтобы поразить Черепка в единственный открытый участок тела – лицо. Но оплошав при перезарядке винтовки, серый безоговорочно реабилитировался. И когда он, нанеся удар, отскочил от раскольника, физиономию того рассекал косой шрам, а сам Веня выгнулся от сковавшей его судороги и пускал изо рта пену. Отравитель же метнулся к своей винтовке, перезарядил магазин и, как только содрогающийся в конвульсиях Черепок рухнул на траву, его убийца уже был готов встретить Симсима во всеоружии.

Однако встреча так и не состоялась. Побоявшись явиться лично, калмык прислал вместо себя два десятка пуль. Ни одна из них не нашла подходящую цель, а половина и вовсе просвистела над покосившейся крышей избушки. Переждав обстрел за ближайшим деревом, серый сталкер опять скрылся с моих глаз. Шмыг, и будто его здесь и не было, а трупы на поляне – неизвестно чьих рук дело! Шустрый дьявол, ничего не скажешь.

Вернулся он лишь тогда, когда я, поднапрягшись, избавился-таки от ненавистой гаротты и придавившего мне ноги трупа. Теперь охотник на раскольников вышел из леса совершенно не таясь, а на трофейный автомат в моих руках, казалось, вообще не обратил никакого внимания.

– Удрал узкоглазый, – бросил мне серый, отчитавшись таким образом о результате проведенной им погони. – Думал, я его сильнее подранил, а на самом деле только плечо вскользь зацепил. Ты сам-то как?

– Бывало и лучше. А ты жив, стало быть, курилка? – буркнул я, вглядываясь в жуткую татуированную рожу майора. Того самого вероломного союзника, с которым мы расстались год назад при крайне неблагоприятных обстоятельствах и которого я с тех пор считал погибшим. А он, оказывается, несмотря ни на что, по сей день топтал Зону, живой и, на первый взгляд, вполне здоровый.

– Жив, как видишь, – без особой радости подтвердил майор, переворачивая ногой тело Вени и осматривая его с равнодушием готового к разделке туши мясника. Такое ощущение, что мы вообще не расставались с этим воякой, не

соизволившим в прошлый раз даже сообщить нам свое имя. Та же экипировка, тот же бесстрастный взгляд, те же радикальные методы решения насущных проблем... Разве что трупов сейчас вокруг нас поменьше, чем тогда, в Диких Землях, после боя с монолитовцами. Зато сегодня мой вклад в нашу победу был нулевым. Майор управился с вымогателями без моего участия и при этом почти не запыхался. Если бы не досадная оплошность при перезарядке, можно было бы сказать, что оперативник неведомой мне спецслужбы провел эту боевую операцию как по нотам.

Впрочем, кто я такой, чтобы критиковать своего спасителя? Он избавил меня от проблемы, которая еще немного, и попросту прикончила бы меня. Причем куда менее гуманным способом, чем тот, каким майор разобрался с «буянами». Поэтому будет нелишне поблагодарить его за это. Но не сейчас. Несмотря на его сегодняшние заслуги, я не мог просто взять и вычеркнуть из памяти то, как он бросил меня и тяжелораненого Бульбу в Диких Землях. Как выяснилось, подобное нелегко забыть, даже когда спустя год твой обидчик с лихвой искупает свою вину...

– Каким ветром тебя сюда занесло? – полюбопытствовал я, приподнимая за шиворот мертвеца и помогая майору снять с него пояс и подсумки. Сам каратель меня об этом не просил, но я считал себя культурным человеком, который оказывает приятелям мелкие услуги без лишних напоминаний. – Только не говори, что случайно проходил мимо и решил вступить за старого знакомого. Даже будь это и впрямь так, вряд ли я поверю в подобное совпадение. Потому что отлично знаю – такие «отзывчивые» парни, как ты, не подвержены благородным порывам... Уж извини за прямоту, майор.

– Зови меня Кальтер, – порекомендовал тот, бесцеремонно вешая трофейный пояс с подсумками мне на плечо и приступая к проверке карманов Черепка. – Год назад после хорошо известных тебе событий я самовольно ушел со службы и остался в Зоне. С тех пор тут и обитаю. Присматриваю по мере сил за порядком да изредка напоминаю некоторым распоясавшимся сталкерам, что надо держать себя в рамках приличий. Ведь это единственное, что я в жизни умею – напоминать людям о существовании высшей справедливости... Но ты прав: твоей проблемой я занялся не мимоходом и не по велению душевного порыва. Так что все закономерно, никаких случайностей... Держи.

Кальтер всучил мне вдобавок к подсумкам отобранные у Вени ПДА, портмоне, пару пеналов для хранения артефактов и брезентовый мешочек, после чего

направился к телу Гоши Багра. Мне оставалось лишь скинуть мелкие трофеи в трофейный же мешок и последовать за мародером в качестве добровольного помощника. То, как он педантично и вместе с тем споро проводил обыск, говорило, что за свою жизнь этот головорез обшарил немало оставленных за собой трупов. К тому же, если верить Кальтеру, весь прошлый год он фактически только этим и кормился.

– Высшая справедливость – дерьмо, – заметил я. – Однако в последнее время многим из здешних подонков и впрямь досталось по заслугам. Трутень – глава клана наемников-сводников, – пропал без вести из своего бункера пару месяцев назад. Бандитские шишки собрались минувшей зимой на сходняк, да так и остались под развалинами своей «хаты», которую чья-то добрая душа нашпиговала минами по самую крышу. Аббат Барбоза – фанатик-«грешник», что мнил себя здешним инквизитором, был сожжен заживо неизвестным «праведником» в прошлом году, аккуратно на католическое Рождество. Назара Чупу, торговца стволами, Гурон грохнул, а сам через неделю разбился на вертолете при штурме Небесного Паука. Ближайший соратник Гурона – Люпус Серый – пошел затем восстанавливать «выжигатель», но кто-то вырезал его группу подчистую, а самого Серого вздернул на одной из тамошних антенн с привязанной к шее табличкой: «Зона судит всех. Здесь нет невиновных». А сегодня вот до Вени Черепка очередь дошла... Какие из этих жмуриков, кроме последнего, еще на твоей совести?

– Больше – никто, – отрезал Кальтер и поинтересовался: – А что, этот твой Черепок был ровня Гурону или Трутню?

– Ты прожил в Зоне целый год и до сих пор не знаешь, кто такие Череп и его младший братец? – удивился я.

– Местный бомонд интересуется меня только тогда, когда начинает страдать манией величия, – признался творец справедливости. – Хотя про должовца-ренегата Черепу я кое-что слышал.

– Что ж, теперь у нас есть шанс вскорости с ним встретиться и выразить наши глубокие соболезнования по поводу гибели брата Вени, – мрачно пошутил я. – Сим-сим – этот калмык, которого ты упустил, – небось уже телеграфировал боссу о том, что тут стряслось, и самое главное – кто в этом виновен. Поздравляю, майор: мы с тобой объявили войну Черепу и его отряду «Буян». Не то чтобы оно сильно меня нервировало, но когда главарь подобных отморозков становится

твоим кровным врагом, это, мягко говоря, не способствует твоей сталкерской карьере.

– Хм... И впрямь трагедия... – молвил Кальтер, не отрываясь от сбора трофеев. На его лице по-прежнему не отражалось ни малейших эмоций. Зато они наверняка были заметны на моем, ибо, когда я смотрел на причудливо татуированную физиономию майора, мне всякий раз становилось мерзко и неудобно. Не хотелось себе в этом признаваться, но, кажется, я попросту побаивался Кальтера, как побаивался тех незнакомых собак, которые подпускали меня к себе, но при этом не виляли хвостами. Никогда не знаешь, чего от такого пса ожидать: ответного дружелюбия или направления на курс прививок от бешенства. А в случае с Кальтером альтернатива дружбе была такая, от которой уже никакие прививки не спасут.

Мой молчаливый приятель взвалил мне на плечо очередной трофеей и высыпал в услужливо подставленный мешок все ценное, что выгреб из карманов Гоши. После чего направился к Встаньке. Будучи прислоненным к дереву, тот так и сидел на корточках со спущенными штанами, отчего издали выглядел ну прямо как живой. Убит он был аккуратным надрезом, нанесенным ему под основание черепа все тем же отравленным кинжалом. Судорога накрепко сковала скрюченного Встаньку, и, даже когда Кальтер пинком уронил его на землю, он так и остался лежать в этой позе с перекошенным посеревшим лицом. Ни дать ни взять каменная горгулья, что свалилась с какого-нибудь готического собора и отбила при падении крылья.

– Так что там насчет твоего ко мне интереса? – отобрав у мертвого Встаньки свой «Абакан», напомнил я собеседнику о его недавнем признании.

– Давай обсудим это в другом месте, – предложил Кальтер. – Здесь оставаться нельзя. Есть подозрение, что эти шестеро – лишь половина околачивающейся в окрестностях Бара группы раскольников. Не хватало еще, чтобы тот калмык привел сюда через час остальных своих дружков.

– Хорошо, – согласился я, тоже не испытывая желания торчать в этом малоприятном месте. – Только сначала тебе придется помочь мне перезахоронить Бульбу, могилу которого эти ублюдки разорили сегодня утром.

– Конечно, – не стал перечить Кальтер. И, немного помолчав, добавил: – Что бы ты обо мне ни думал, я действительно сожалею, что с Бульбой все так получилось. И тогда, и сегодня. Это не оправдание – просто прими мои слова к сведению, договорились?..

Глава 4

Чтобы достать сброшенный с откоса памятник, нам пришлось изрядно попотеть, но звать из Бара подмогу я не стал. Во-первых, Кальтер попросил меня этого не делать, а во-вторых, пришлось бы слишком долго растолковывать приятелям, что тут стряслось. Заниматься этим сейчас мне совершенно не хотелось – и без того голова шла кругом.

Во время нашей скорбной и маетной работы всплыли кое-какие подробности, что предшествовали моей внезапной встрече с человеком, которого я весь минувший год причислял к безнравственным засранцам, способным на пути к собственным целям усеять путь телами как врагов, так и союзников. Вряд ли с той поры Кальтер сильно переменялся. Но теперь он, по крайней мере, был со мной честен, признавшись, что не стал бы меня спасать, не будь я ему действительно нужен. А он якобы мог принести пользу мне. Если, конечно, подслушанное им в лесу мое признание Черепку являлось правдой, а не обычной ложью во спасение...

Кальтер околачивался в наших краях уже третий день, ожидая, когда я вернусь из рейда; он проведал об этом из разговоров, которые подслушал в Баре, когда наведалься туда позавчера. Он не стал наносить визит своим знакомым Воронину и Петренко, поскольку очередной визит майора на нашу базу вызвал бы у них слишком много вопросов и подозрений, а это ему было не нужно. Сняв у Бармена комнату в одном из облагороженных им подвалов завода «Росток», Кальтер проторчал там вплоть до моего возвращения, выходя на поверхность лишь для того, чтобы посидеть в темном уголке Бара и послушать сплетни.

Сегодня утром он хотел перехватить меня в «Сто рентген», но опоздал всего на полчаса. Майор не рассчитал, что, вернувшись вчера поздно вечером после изнурительного рейда, я проснусь в такую рань и куда-то отправлюсь. Благо узнать маршрут моей прогулки было вовсе не сложно. Расспросив Бармена,

Кальтер двинул следом за мной к могиле Бульбы, намереваясь побеседовать со мной либо там, либо на обратной дороге.

Дальнейшие события спутали планы не только мне, но и майору. Он преследовал нас на расстоянии и по прошествии недолгих колебаний рискнул-таки отправиться в аномальный лес по нашим еще не остывшим следам. После чего пережил ту же мегагаллюцинацию, что и я. Разве только у меня не было выбора, шагать вперед или отступить, а Кальтер прошел по лесу на одной лишь своей недюжинной выдержке и убеждении, что раз вымогатели дерзнули идти этой дорогой, значит, и у него все получится.

Воистину, воздалось майору по вере его! И вот теперь мы с ним занимаемся перезахоронением Бульбы, попутно обсуждая насущные проблемы Кальтера, из-за которых ему пришлось объявить себя врагом полковника Бориса Черепанова...

– Где ты потерял руку? – полюбопытствовал я, заметив, что левая кисть и половина предплечья майора являют собой электромеханический протез – довольно современный, но не самый лучший из тех, какие мне доводилось видеть.

– Не имеет значения, – отмахнулся Кальтер, критически разглядывая свою искусственную конечность. – А эту хреновину я через одного мелкого торговца заказал. Неплохая штукавина... была поначалу. И месяц толком не отходила. Болотный Доктор мне ее на культу подогнал и под артефакт «Батарейка» вместо стандартных аккумуляторов переделал. Но одна хищная тварь, с которой мне не повезло поцапаться, деформировала там зубами какой-то сложный механизм, и теперь это дорогущее барахло то фурычит, то не фурычит. Сегодня вон опять едва не сплоховал, когда пальцы взяли и ненароком разжались. Так и хочется порой избавиться от протеза, но без него еще хуже, да и привык я к нему. Все-таки не уродливый обрубок, а какая-никакая рука...

Мы возвратились в Бар, после чего Кальтер направился к себе в номер, который был оплачен им до завтрашнего утра, а я, забросив лопату в чулан, двинул напрямик к командиру докладывать о случившемся. На базе не связали отгремевшую за аномальным лесом канонаду (о том, что она могла греметь в самом лесу, Воронин, разумеется, даже не подозревал) с моим отсутствием – я узнал об этом сразу, как только вернул себе отобранный ПДА. Никто, как выяснилось, меня не хватился, потому что в случае тревоги я первым делом

получил бы запрос по сети. Тем не менее гибель в перестрелке пятерых раскольников во главе с Веней Черепком уже всю муссировалась посетителями «Ста рентген». Правда, версии о том, кто их прикончил, были пока далеки от реальности. Но я был почти уверен, что ближе к ночи все доселе неизвестные детали этой стычки стараниями «буянов» всплывут на поверхность. В их, разумеется, версии.

Генерал выслушал мой подробный доклад и немало подивился тому, что главное действующее лицо утреннего инцидента не только живо, но и вдруг ни с того ни с сего решило принять активное участие в моих похождениях.

– Почему этот... Кальтер остался в Баре, а не пришел с тобой на базу? Странно, ведь он нам не враг, тем более что сегодня вновь доказал это. – Подобно мне, Воронин тоже лишь спустя год выяснил имя загадочного майора. Которое, впрочем, наверняка было липовым.

– Предложение Кальтера касается не «Долга», а лично меня, – уточнил я. – Я пообещал майору, что встречу с ним через полчаса и выслушаю то, что он желает со мной обсудить.

– Хорошо, – не стал возражать генерал. – И как только ваш разговор закончится – сразу ко мне на доклад. Не утром, а немедленно! Ясно?

– Так точно, – подтвердил я.

– И вот еще что, – добавил глава клана. – Думаю, мне не нужно напоминать тебе, чтобы в ближайшее время ты не покидал территорию базы. По крайней мере до тех пор, пока мы точно не выясним, какими действиями отреагирует полковник Черепанов на убийство брата. Ты меня понял?

– Но, товарищ генерал, я не затем прибыл в Зону, чтобы отсиживаться по подвалам и прятаться от каких-то ренегатов...

– Я спрашиваю: ты меня понял?

– Так точно.

– Вот и замечательно. А теперь иди и выясни, какого черта здесь ошивается этот Кальтер. И поосторожнее с ним. Смотри не попадись на какую-нибудь провокацию. От таких гостей, как он, нельзя ждать добра, даже если они приходят с миром...

Через полчаса я, как и обещал, сидел в «Сто рентген» и дожидался Кальтера. В отличие от меня, явившегося раньше, он, оставив в номере свой ненадежный протез, прибыл минута в минуту. Пунктуальность майора выставила Леню Мракобеса не в лучшем свете. Сам того не желая, я выказал, что мне крайне не терпится узнать, о чем он меня попросит. Тогда как по идее все должно было происходить наоборот. Это я был необходим Кальтеру, а значит, ему следовало сидеть сейчас за столиком Бара и посматривать на часы. В то время как мне – лицу менее заинтересованному – ради пущей важности дозволялось немного задержаться. Досадно – хитрый майор переиграл меня даже в такой мелочи. Стоит ли говорить о том, кто из нас двоих обставит кого на поле боя, окажись мы с ним вдруг, не дай бог, по разные стороны фронта.

– Спасибо, что пришел, – сказал Кальтер, присаживаясь к моему столику. Полгода назад скряга Бармен откликнулся на многочисленные просьбы постоянных посетителей и оборудовал свое заведение пусть грубо сколоченной, но все-таки полноценной мебелью. И теперь оно стало наконец соответствовать статусу бара, больше не напоминая привокзальную пивнушку, на какую походило прежде. По непритязательным сталкерским меркам, подобная модернизация вывела «Сто рентген» на совершенно другой уровень – нечто вроде местного класса «люкс». Еще бы Бармену сменить свой потертый свитер на что-нибудь более презентабельное да нанять себе официантку, и тогда здесь возник бы настоящий очаг цивилизации. Впрочем, насчет последних двух условий клиенты привередничали редко, и, стало быть, хозяину Бара незачем им было в этом потакать.

– Не буду ходить вокруг да около, – без лишних церемоний начал Кальтер. – Мне известно, что после того, как «Монолит» отбил атаку на ЧАЭС и снова закрыл для сталкеров Припять, ты как минимум дважды проводил разведрейды в этот город.

– Трижды, – поправил я собеседника. – На позапрошлой прогулке мне также пришлось ненадолго завернуть в те края.

– Что ж, превосходно, – кивнул он. – Значит, моя просьба не окажется для тебя в тягость. Я предлагаю тебе выгодную сделку: ты провожаешь меня в Припять и доводишь до места, которое я тебе укажу, а взамен получаешь кое-что весьма ценное.

– И что же, позволь полюбопытствовать?

– Полынный Слиток. Ведь именно его ты сегодня ищешь в Зоне?

– Послушай, Кальтер... – Я недовольно скривился и, откинувшись на спинку скамьи, скрестил руки на груди. – Не обижайся, ладно, но не кажется тебе, что твое предложение слишком уж пахнет липой? Сам же признался, что, когда ты готовился напасть на Черепка, тебе удалось подслушать, о чем я с ним откровенничал. А потом – невероятное совпадение! – вдруг выясняется, что у тебя есть именно то, что меня интересует. И ладно, будь это какой-нибудь редкий артефакт – в него я еще готов поверить. Но речь-то идет о совершенно исключительной вещи, существующей лишь в теории! Понимаешь, откуда душком тянет? А если бы я проболтался раскольникам, что разыскиваю не Слиток, а, например, хрустальный череп инков? Неужели ты сейчас признался бы, что у тебя чисто случайно в одном из тайников завалялась именно эта реликвия?

– Нет, хрустального черепа у меня нет, – как ни в чем не бывало мотнул головой майор. – А вот Слиток действительно имеется. Правда, с тех пор как мне повезло найти его в тайнике «Монолита» на радарной станции и вплоть до твоего разговора с Черепком, я понятия не имел, как называется эта штукавина. Однако, судя по твоему описанию, это как раз тот самый артефакт.

– Но с собой ты его прихватить почему-то забыл, – скептически хмыкнул я. – А вот аптечку – явно нет. Хотя, казалось бы, зачем она вообще тебе сегодня нужна, когда у тебя есть Полынный Слиток?

– Носить его с собой – та еще пытка, – признался Кальтер. Пожалуй, проще разгадать Главную Тайну Зоны, нежели определить по невозмутимому лицу майора, лжет он или говорит правду. – В радиусе трех метров от этой дряни тело начинает зудеть так, что спасу нет. Страшно вспомнить, как я намучился, пока свою находку перепрятал. На длинной веревке ее за собой через половину Зоны тащил, представляешь? К счастью, зуд оказался не единственным свойством

Полынного Слитка. Просто чудо, что я сумел открыть главное его достоинство, когда уже хотел выбросить эту дрянь от греха подальше... Тебе доводилось переводить за Кордон товарищей, которым Болотный Доктор ампутировал конечности?

- Бывало дело, - подтвердил я.

- Значит, ты имеешь представление о том, как выглядит культя руки, ампутацию которой делал высокопрофессиональный хирург?

- Допустим.

- А теперь представь, какой она будет, если пострадавшему самому придется заниматься этим, да еще в полевых условиях.

- Ты намекаешь на себя?

- Совершенно верно. Я отрезал... да что там - практически отгрыз себе руку, придавив ее бетонной плитой, и только через сутки дополз до ближайшего хирурга. Причем обычного, армейского, который в лагере ученых на Янтарном Озере лазаретом заведует. Он, конечно, культю мне подлатал, но не настолько хорошо, чтобы после этого она сравнилась с теми культями, какие Болотный Доктор в порядок приводил. А теперь взгляни, во что превратилась моя ущербная рука, когда я поднес ее к Полынному Слитку.

Теперь я понял, почему Кальтер явился на нашу встречу без протеза. Не имея при себе легендарной панацеи, он решил предъявить мне в качестве косвенного доказательства ее существования свою левую руку. Я пристально наблюдал, как майор спокойно, без суеты закатывает по локоть рукав и предъявляет мне к осмотру неполноценное предплечье. А потом столь же невозмутимо следит за моей реакцией на увиденное.

При всем уважении к Болотному Доктору сегодня я воочию узрел такое произведение хирургического искусства, создать которое было не под силу даже лучшему эскулапу Зоны. Если бы я не был абсолютно уверен, что в прошлом году у Кальтера наличествовали обе руки, сейчас подумал бы, что он лжет и его левое предплечье не подвергалось ампутации, а являлось таковым с рождения. Ни единого рубчика, шрама и вообще какой-либо патологии! Просто

покрытая полностью здоровой кожей культя, чей конец был аккуратно скруглен и, выглядывая из рукава, походил на новенький резиновый мячик.

– Недурственно, – подытожил я спустя минуту, в течение которой тщетно пытался отыскать на культе майора следы касавшегося ее скальпеля. – Либо это работа хирурга, у которого не грех поучиться даже Болотному Доктору, либо ты действительно сказал мне правду. Первое – маловероятно, потому врача такого класса сегодня в Зоне нет. Остается второе. Если только не существует третьей причины твоего чудесного исцеления, о которой я не подозреваю.

Да, старину Бульбу это действительно впечатлило бы. Уверен, он не выказал бы столько скепсиса, сколько было его во мне, и без раздумий ударил бы с Кальтером по рукам... Я задумчиво примолк, глядя, как майор застегивает рукав и приторачивает его к руке шнурком, дабы не болтался. Будь я на месте этого калеки, наверняка поглядывал бы сейчас на собеседника победоносным взором. Но Кальтер продолжал являть собой воплощение невозмутимости, какой позавидовали бы даже прожженные картежники, а физиономисты, работая с ним, уснули бы от скуки.

– Зачем тебе вообще нужен проводник? – осведомился я. – Ты огреб в Зоне уйму неприятностей и сумел выжить. Так неужели сомневаешься в том, что у тебя хватит сил и мужества в одиночку добраться до «Исполнителя Желаний»?

– Разве я сказал, что иду к Монолиту? – Кальтер вперился в меня холодным пронизывающим взглядом. Я попробовал выдержать это испытание, но, к своему великому стыду, сдался быстрее, чем успел приказать себе не отводить глаз.

– Ну ты даешь, мужик! – Я всплеснул руками. – Для чего же еще идти в Припять сталкеру-одиночке, который, как я понял, не занимается поиском артефактов? А если занимается, то у него достаточно ума, чтобы искать их в других местах, а не там, откуда и свою задницу вытащить – большая проблема, не говоря о хабаре. Такие люди, как ты, Кальтер, отваживаются на подобный риск только ради воистину грандиозной цели. Или же следуя приказу, как мы – долговцы. Но если бы ты продолжал служить своей бывшей «конторе», она уже давно спровадила бы тебя в отставку по состоянию здоровья. Ибо где это видано, чтобы командование отправляло на подобные рискованные задания инвалидов?

– Да, сегодня я свободен так, как еще никогда не был свободен в жизни, – подтвердил майор. – Однако это не исключает, что я не могу начать действовать по чьему-нибудь приказу. Какому приказу подчинялся ты, когда отказался идти со мной, решив остаться с умирающим Бульбой? И я теперь примерно в такой же ситуации. Мне не нужен ваш проклятый «Исполнитель Желаний». Нехай он еще тысячу лет торчит в Саркофаге и манит к себе безмозглых идиотов, любителей легких денег и романтиков, желающих одарить человечество всеобщим бесплатным счастьем. У меня нет ничего общего с их целями. Все, что мне нужно, – это в урочный день и час прибыть в конкретное место и находиться там столько, сколько потребуется. Затем – вернуться обратно. Как только мы покинем территорию секты, я отведу тебя к моему тайнику либо дам тебе его координаты, и ты получишь свой Полынный Слиток. На этом и разбежимся.

– Не думаю, что до конца тебя понял, но суть вроде бы уловил, – заметил я. – Но ты все-таки не ответил на мой вопрос: зачем тебе – вполне самостоятельному парню – понадобился проводник?

– Во-первых, я никогда не был в Припяти и у меня нет времени проводить там разведку, – пояснил Кальтер. – А во-вторых, я обязан явиться в нужное время в нужное место, чего бы мне это ни стоило. Можешь считать меня сумасшедшим или одержимым – мне все равно. Но с математикой я в ладах и вполне способен прикинуть, каков мой шанс на успех в случае одиночного рейда и рейда в сопровождении толкового проводника.

– Но я – не самый толковый проводник из тех долговцев, кто бывал в Припяти, – уточнил я. – И не могу гарантировать, что твоя странная мечта непременно осуществится.

– Зато ты – единственный из сталкеров, с кем мне приходилось работать в одной команде, – сказал майор. – Пускай все обернулось для нас тогда не самым лучшим образом. Но я видел тебя под огнем, а для меня такой опыт намного ценнее любых словесных гарантий. Ну так что? Я могу на тебя положиться?

– Ты получишь мое согласие только тогда, когда отдашь Слиток, я проверю, действительно ли это он, и перепрячу его в свой тайник, – поставил я железное условие. – Иначе никакого похода в Припять не будет. Я видел, сколько ты колеблешься перед тем, как перерезать человеку глотку: полсекунды, не больше. Думаешь, мне охота получить от тебя в финале вместо обещанной награды такое «гранатовое ожерелье»?

– Требование справедливое, но мой тайник далековато отсюда, а времени у нас в обрез, – ответил на это Кальтер. – Двое суток, если быть точным. Можешь ставить мне любые требования, Мракобес, но завтра на рассвете я выдвигаюсь на север. С тобой или без тебя. Хорошенько подумай, что ты теряешь, если откажешься. Сколько тебе осталось найти редких артефактов из списка Доктора? Два, кажется? И сколько у тебя нынче по теории вероятности шансов, что ты наткнешься на нужный артефакт, а не на тот, который у тебя уже есть? Очень и очень мало. Я же предлагаю тебе намного больше, чем недостающие компоненты, ведь не факт, что, швырнув их в «жарку», вы с Доком выудите обратно именно Слиток, а не кусок бесполезного хлама. Я знаю, что ты обо мне думаешь и чего конкретно опасаясь. Увы, но у меня нет гарантий, которые заставят тебя мне поверить. Поэтому я даю тебе срок поразмыслить до утра. Не спору: маловато времени для принятия взвешенного ответа, но что поделать?.. В общем, сам решай, как тебе быть. Но так или иначе, еще раз спасибо, что согласился меня выслушать. Говоря начистоту, я был уверен, что ты пошлешь меня подальше с моими предложениями еще днем... А теперь, если не возражаешь, я пойду как следует выплусь перед трудной дорогой. Надеюсь, завтра все-таки увидимся. Спокойной ночи.

Кивнув мне на прощанье, майор поднялся и, не оглядываясь, направился к выходу.

– Подожди! – окликнул я его. Он остановился и обернулся, но в его глазах не было любопытства. Они продолжали хранить бесстрастность, словно Кальтер знал наперед все вопросы, которые я ему задам. В данный момент я хотел спросить его лишь об одном: – Понимаю, что раз ты не посвятил меня в детали, значит, это не мое дело, но все же... Что именно находится в том месте, куда ты идешь? Не можешь сказать, так хотя бы намекни. Полагаю, это поможет мне определиться с решением.

Многим чудесам я стал сегодня свидетелем, но это, бесспорно, заслуживало особого упоминания. Тем паче что заметить его было намного труднее прочих. Но я заметил и оттого счел необходимым заострить на нем ваше внимание, хотя мог обойтись и без такой малозначительной на первый взгляд подробности.

Прежде чем Кальтер ответил, его губы тронула мимолетная улыбка, а в глазах загорелась и тут же погасла почти неуловимая искорка. Пару секунд я смотрел на вполне обычного человека – такого, как я и прочие немногочисленные в этот

вечер посетители Бара. После чего лицо майора вновь обрело привычное холодное выражение. Однако промелькнувшая на нем не то легкая снисходительность, не то светлая грусть определенно имела место. Кальтер стоял совсем близко и глядел прямо на меня, так что списывать замеченное мной чудо на наваждение было не резон.

– У тебя есть вера, Мракобес? – поинтересовался майор в ответ на мой вопрос. И, не дожидаясь, пока я что-либо отвечу, продолжил: – А у меня есть. Настоящая, с большой буквы. И я убежден, что когда доберусь до нужного места, мое единственное на сегодняшний день желание будет исполнено. В точности так, как обещает мне моя Вера. Она ведет меня к цели, а не этот фетиш жалких неудачников – Монолит. Потому что моя Вера – живая, а он мертв, как любая другая каменная глыба. Камни не исполняют желаний, Мракобес. Их исполняем мы сами, четко следуя однажды выбранному пути. Именно за этим я иду в Припять. Хочу убедиться, насколько сильна моя Вера и поможет ли она мне в конце концов обрести покой. Других желаний, сталкер, у меня нет...

Глава 5

Если раньше я, бывало, лишь недоговаривал Воронину всей правды, умалчивая о наших с Бульбой неуставных делишках, то сегодня мне пришлось соврать генералу прямо в глаза. Однако меня беспокоил не сам этот факт, а то, что, выдав командующему заведомо ложную информацию, я не ощутил при этом никаких угрызений совести. Изложенная мной легенда состояла в следующем: подавшийся на вольные хлеба майор заключил с учеными контракт на поиск в Припяти некой подземной лаборатории и по старой памяти приглашает меня с собой в качестве проводника. Предполагалось, что Воронин не станет возражать против такого внепланового разведрейда, ведь я действовал в интересах не только Кальтера, но и «Долга».

Генерал долго буравил меня испытующим взглядом, и я уже начал побаиваться, что он раскусил мою ложь и сейчас разобьет ее неопровержимыми уликами, собранными каким-нибудь подслушавшим нас с майором соглядатаем. Но командующий лишь сдержанно кивнул, не сказал ни да, ни нет и попросил зайти к нему на рассвете, сразу после общего подъема. Наверняка Воронин все же почувствовал мою неискренность, но не стал делать на основе своей догадки

категорические выводы, отложив решение вопроса до утра. У меня сразу отлегло от сердца. Прямых доказательств того, что я вру, у генерала не имелось, а за ночь им уж точно будет неоткуда взяться. Ежели только он не приручил тайком мутанта-контролера, который прочтет для него мои мысли. Но тогда возникнет вопрос, кто из нас двоих больше нарушает устав «Долга»: я, скрывший от командира истинные планы нашего союзника Кальтера, или Воронин, являющийся с мутантами, вместо того чтобы бескомпромиссно их уничтожить.

Ответ Кальтера на мой последний вопрос не прояснил ситуацию и лишь еще больше усугубил мои сомнения. Во что на самом деле верил этот человек, я мог выяснить лишь в Припяти. Вот только поход туда без предоплаты в виде Полынного Слитка выглядел несусветной глупостью. А глупости и Мракобес во все времена были понятиями несовместимыми. Однако короткая и туманная речь майора насчет веры – или, как он подчеркивал, Веры – все-таки запала мне в память. И теперь, возвратившись в казарму и улегшись на койку, я невольно задумался, а во что же верит Леня Мракобес после того, как умер брат Бульбы Витя.

С его смертью наша затея с поиском панацеи утратила конкретный смысл и превратилась в банальную утопическую идею, какими на протяжении столетий забивали себе головы все искатели универсального лекарства. Идти по их стопам мне не хотелось. Меня страшило, что в случае неудачи я оглянусь назад и увижу, какую чудовищную прорву времени потратил впустую. И ладно бы только времени! Его потерю я бы мог себе простить, вернись мы с Бульбой из Зоны несолоно хлебавши, зато живыми и здоровыми. К сожалению, этому уже никогда не бывать.

Подвергшаяся чудесному исцелению изувеченная рука Кальтера почти вернула мне веру в то, что, несмотря на поражения и утраты, я еще не сошел с верного пути. Нужно было лишь отринуть сомнения, довериться майору и сопроводить его в Припять. Потому что если я откажусь, количество моих сомнений вовсе не уменьшится. Все они останутся на месте, разве что начнут грызть меня с другого боку, вопрошая, почему я струсил и отрекся от своих убеждений буквально в шаге от заветной цели.

Сомнения на правой чаше весов, сомнения на левой... Две одинаковые глыбы взвалены на них, однако их баланс не идеален. И все потому, что на одной из чаш вдобавок примостилась вера. Невесомая как перышко, она тем не менее

влиятельно на взвешивание, медленно и уверенно выводя его результат в свою пользу. Не сказать, что он меня устраивал, но в любом случае такой итог imponировал мне больше, чем туманная неопределенность...

В эту ночь мой тревожный сон вновь посетила синеглазая девочка в серебристом комбинезоне и, как обычно, напомнила мне о своем дяде Косте. За год нашего знакомства она так и не подыскала другой, более приятной темы для разговоров.

«Только твоего нытья мне не хватало! – раздраженно заметил я синеглазке, хотя кто-кто, а она точно была не виновата в моем скверном настроении. – Ну чего тебе еще от меня надо? Я ведь уже сто раз поклялся, что помогу твоему дяде, а ты опять за свое! Как только он меня попросит, так сразу помогу, обещаю. И ты пообещай, что после этого прекратишь меня третировать. Должна же, в конце концов, и у призраков быть совесть!.. А теперь отвяжись, дай поспать!»

Девочка постояла еще немного и ушла. Честно говоря, она ни разу меня особо не доставала и всегда уходила до того, как я начинал на нее по-настоящему сердиться. Из всех виденных мной призраков Зоны этот был единственным, который не вызывал у меня отвращения и о котором я никому не рассказывал. Просто не хотел, чтобы мое ночное наваждение стало у приятелей поводом для шуток. Глупость, конечно, но мне казалось, что призрачную девочку это сильно обидит. А чем отличается обиженное привидение от привидения миролюбивого, я прекрасно помнил по читанным мной в школе готическим романам...

Утро следующего дня началось не с моего визита к Воронину, а с завывания сирены и выстрелов, раздавшихся в предрассветных сумерках за стенами базы. Выскочив из казармы вместе с товарищами, я, согласно тревожному расписанию, вскарабкался на крышу одного из цехов и занял свою боевую позицию. Справа и слева от меня, а также на крышах соседних зданий рассредоточились прочие поднятые по тревоге долговцы. Все мои братья по клану, кто находился сейчас на территории завода «Росток», приготовились оборонять его от вторжения неизвестных сил,двигающихся сюда предположительно из Темной Долины. Это они обстреляли шквальным неприцельным огнем заводские стены, превращенные нами в оборонительные сооружения сразу, как только «Долг» закрепился на этом стратегически выгодном рубеже.

Вместе с нами на позиции выбежали и ночевавшие в Баре сталкеры-одиночки. Их пригнало сюда в первую очередь любопытство, а не желание помочь нам

держат оборону. Если начнется заваруха – а после столь громкой прелюдии такое весьма вероятно, – большинство вольных бродяг слиняут из Бара, дабы не вступать в невыгодный им конфликт. Оно и понятно: тому, кто пришел в Зону лишь подзаработать, здешние территориально-политические разборки до фонаря.

Я поискал глазами Кальтера – вряд ли он будет отсиживаться в подвале и не захочет удостовериться, что же стряслось. Но обнаружить майора на ближайших крышах не удалось. Впрочем, это еще не значило, что его здесь не было. Возможно, он предпочел не маячить на виду, а занять наблюдательную позицию внутри какого-нибудь здания и следить за развитием ситуации из окна. Прибывшие из штаба на передний край обороны Воронин и Петренко также не стали подниматься на крышу, оставшись под прикрытием заводских стен.

Внезапно разразившаяся канонада не продлилась и полминуты, утихнув еще до того, как над Баром взревела сирена. Сила этого обстрела не позволяла счесть его чьим-то наглым хулиганством или провокацией. Из затянувшегося подступы к заводу тумана по нам вела огонь группа численностью не меньше взвода. Сколько стрелков затаилось поблизости на самом деле, мы понятия не имели, но ожидаемая за обстрелом атака не состоялась. Это могло косвенно указывать на недостаточное для штурма количество сил, собранных неведомым врагом у стен нашей цитадели.

Мы напряженно всматривались в рассветный туман, гадая, кто осмелился устроить нам сегодня столь дерзкую побудку. Генерал не отдавал пока приказа открыть ответный огонь, хотя многие из нас, в том числе я, были не против отвесить врагу встречный поклон, пусть даже нам пришлось бы стрелять вслепую.

Впрочем, разгадка брошенного «Долгу» вызова не заставила себя ждать. Не успели еще последние подтянувшиеся из Бара сталкеры взобраться на крыши, как в воцарившейся после канонады тишине раздался усиленный громкоговорителем грозный голос:

– Генерал Воронин и те, кто до сих пор продолжает ему подчиняться! Я знаю, что все вы уже наострили уши, поэтому слушайте! С вами говорит командир особого ударного отряда «Буян» полковник Борис Черепанов, также известный вам как Череп! Я и сорок моих боевых товарищей пришли сюда не за тем, чтобы объявлять вам войну. Но если потребуется, каждый из нас готов вступить с вами

в схватку и отправить на тот свет столько долговцев, сколько успеет, прежде чем сам падет смертью храбрых! Не надейтесь: эти стены вам не помогут! Ни для кого не секрет, что один наш боец стоит как минимум трех ваших, поэтому можете представить себе, какая здесь разразится бойня! Или же ничего подобного не будет, если вы выдадите мне тех, кто вчера вероломно убил моего младшего брата! Я говорю о Мракобесе и его приятеле из вольных бродяг, который, я думаю, тоже прячется сейчас у вас на базе! Итак, что вы на это скажете?

Насчет немереной крутизны «буянов» Череп, разумеется, преувеличивал. Но что касается крепости их духа и готовности умереть за своего командира, тут он ничуть не грешил против истины. В свое время этот непримиримый поборник жесткой политики увел из «Долга» всех тех, кто жаждал утопить Зону в крови наших врагов, и сегодня раскольники уже не видели разницы между ними и своими бывшими идейными соратниками. Поэтому штурм, которым грозил нам Черепанов, мог действительно вылиться в настоящую кровавую баню. То-то будет радости у «Монолита» и «Свободы», чьи сталкеры вот уже год злорадно потирают руки, глядя на наши внутриклановые распри!

– Мы выслушали твои условия, Борис! – откликнулся из-за стены Воронин, чей хорошо поставленный командный голос сроду не нуждался в дополнительном усилении. – Теперь ты выслушай наши. Сожалею по поводу твоего брата, однако ты должен был понимать, что когда-нибудь его неуставные аферы именно этим и закончатся. Не верю, будто ты не знал, зачем Вениамин и его приятели отправились в наши края. Также тебе известно, что, вступив с ними в бой, Мракобес и его компаньон защищались и к тому же находились в меньшинстве. Это значит, что все заявления насчет их вероломства целиком и полностью надуманы. Ты ослеплен гневом, Борис, и сейчас можешь совершить непоправимую ошибку, послав своих товарищей на верную гибель. Возьми себя в руки, остынь и задумайся над тем, что ты делаешь. Уверен, скоро ты поймешь, что заблуждался, решив заявиться сюда и бряцать перед нами оружием.

– Заблуждался?! – вскипел Череп. – Я?! Знаешь, генерал, раз ты действительно не желаешь кровопролития, тебе придется пойти для меня на это исключение! А иначе ты сам допустишь такую ошибку, о которой, если сегодня выживешь, будешь жалеть до конца своих дней!

– Никаких исключений! – Голос Воронина вмиг утратил примирительную интонацию, налившись известной каждому долговцу сталью. – Закон есть закон:

«Долг» не выдает своих братьев, а также тех, кто ищет защиту на нашей территории! И ни командир отряда «Буян», ни кто бы то ни было другой не смеют ставить мне условия! Убирайся обратно в Темную Долину, Борис, и стражай своими угрозами «Свободу»! Для запугивания «Долга» у тебя кишка тонка!

Залегший по соседству со мной Вовчик Холера судорожно сглотнул и процедил сквозь зубы все, что он думает о сложившемся положении. Прогноз Вовчика был неутешительным и уместился всего в одно крепкое словцо – то самое, что является синонимом слову «конец» и вдобавок отлично с ним рифмуется. Мне оставалось лишь до боли прикусить губу и мысленно согласиться с Холерой. Кажется, в это погожее утро здесь суждено оборваться множеству сталкерских судеб. И все из-за одного безутешно скорбящего, мстительного головореза, коим, по сути, являлся полковник Черепанов, если содрать с него весь идейно-политический камуфляж.

Атмосфера над Баром наэлектризовалась до предела. Как и ожидалось, большинство сунувшихся на передовую сталкеров решили благоразумно ретироваться, пока это можно было сделать без опаски заполучить промеж лопаток пулю. Казалось, стоит лишь кому-нибудь из долговцев или «буянов» чихнуть, как здесь начнется такой огненный хаос, какого в Зоне не видывали, пожалуй, со дня приснопамятного штурма Саркофага. Впервые после раскола группировка Черепа и «Долг» сошлись лоб в лоб с явными намерениями пустить друг другу кровь. И вероятность подобного исхода была как никогда высока. Воронин и Черепанов – те люди, которые ненавидят долгие споры и от слов быстро переходят к делу. И переход этот должен был состояться буквально в следующее мгновение...

Разве только само яблоко этого раздора, сиречь я, не подаст голос и не попробует сыграть роль громоотвода для молнии раскольничьего гнева.

– Эй, Череп! – выкрикнул я, стараясь поскорее заполнить взрывоопасную паузу, возникшую после обмена угрозами. – Надеюсь, ты еще помнишь мой голос?

– Не волнуйся, я помню твой голос, Мракобес! – отозвался из тумана главный «буян». – И еще послушаю, как ты охрипнешь, когда будешь верещать под моим ножом, мразь! Поэтому даже не пытайся просить у меня прощения!

– Договорились, не буду! – согласился я. – Вообще-то мне с тобой о другом хотелось потолковать. Как смотришь на то, чтобы разрешить все наши противоречия малой кровью? В конце концов, это ведь наше с тобой личное дело, не правда ли? Так зачем впутывать в него посторонних?

– Да неужто ты, жалкий трус, осмелишься вызвать меня на честный поединок?! – изумился Борис.

– Бывший каптер мотострелковой роты против бывшего командира десантно-штурмового полка?! – изобразил я ответное удивление. – Нет, конечно, я не трус, но я... не вполне уверен, что этот бой покажется кому-то из здесь присутствующих честным. Давай поступим иначе. Мы тут с компаньоном собираемся прогуляться на север и выйдем аккурат с противоположной стороны Бара где-то через четверть часа. То направление – единственное, которое твои люди не успеют за это время заблокировать. Так что путь к отступлению у нас всего один – на Военные Склады и Припять. Желаеть свершить правосудие – милости прошу присоединиться к нашему вояжу. То, что ты матерый штурмовик и рукопашник, всей Зоне известно. Но вот хватит ли у тебя мозгов поймать нас на территории «Монолита» – тут бабушка надвое сказала. Смелость, как известно, города берет, но при охоте на лис проку от нее чуть. Поэтому там мы с тобой будем почти на равных. Ну что, ты в игре?

– Ты это серьезно? – не поверил Череп.

– Клянусь тебе при всех, кто нас слышит, что поступлю именно так, как сказал, – подтвердил я. – А не веришь – что ж, твое право: штурмуй Бар, гробь себя и сотню отличных парней в придачу. Однако я тебя предупредил: через четверть часа меня на этой территории уже не будет. Засекай время – отсчет пошел!..

Крикнув это, я не мешкая покинул свою боевую позицию и поспешил к ведущей с крыши лестнице. В тумане за стенами базы вроде бы началось какое-то движение, но ни новой стрельбы, ни атаки со стороны врага не последовало.

Когда я сошел с лестницы, внизу меня уже поджидали Воронин и Петренко, оба – в полном боевом снаряжении. Их суровые лица не предвещали ничего хорошего, и приказы сейчас генерал замкомдолгу расстрелять меня за самовольство, в этом не было бы ничего удивительного. Я остановился и замер, даже не зная, что сказать в свое оправдание. Командование слышало все, о чем

мы толковали с Черепом, и добавить к этому мне было совершенно нечего.

Генерал сокрушенно покачал головой, после чего вдруг ободряюще, по-отцовски похлопал меня по плечу и сказал:

– Поспешите. Времени у вас очень мало. Когда уберетесь подальше, я прикажу разбросать на севере Бара дымовые шашки. Это задержит Черепа и даст вам немного форы. И помни: за сегодняшнее с меня причитается, но дважды такой номер у тебя не прокатит. – И, напутственно подтолкнув меня в спину, закончил: – А теперь проваливай! Чтобы через две минуты духу твоего здесь не было!..

Я предполагал, что Кальтер будет ждать меня возле «Ста рентген», и припустил туда, заскочив по дороге в казарму и прихватив свой походный ранец. Так оно и оказалось. Когда я подбежал к Бару, готовый к выступлению майор уже торчал на пороге и педантично протирал ветошью оптический прицел своей винтовки. В отличие от меня Кальтер выглядел так, словно понятия не имел, какие изменения я внес в его план без его ведома. А может, и впрямь не знал – такое тоже было не исключено.

– Не суетись, – порекомендовал он мне вместо приветствия, заметив мое взвинченное состояние. – Иди в темпе, но не забывай посматривать под ноги. За пятнадцать минут Черепанову завод при всем желании не обогнуть. Вдоль западной стены он не пойдет, потому что это длинный путь. Но у восточной я еще вчера засек какое-то подозрительное марево. И если «буяны» не захотят проверить, что за дрянь баламутит там воздух, им так и так придется возвращаться и обходить Бар с запада. В общем, прибавь к нашей форе еще минут восемь-десять... Готов? Тогда тронулись.

И, глянув для проформы в чистый окуляр прицела, спрятав ветошь в карман, а затем решительной походкой зашагал к северным воротам базы. И ни слова о том, что он думает по поводу моей выходки! Такое впечатление, будто майор наперед знал, что я отчебучу нечто подобное, и потому успел с этим примириться. Его равнодушие порядком обескуражило меня, и я не удержался от вопроса, почему Кальтер так невозмутим.

– Твой поступок – следствие моего вчерашнего просчета, – ответил он после того, как мы миновали пост. Охрана на нем была уже оповещена о нашем срочном уходе и потому пропустила нас без вопросов. – Во время слежки я не

раз слышал, как вымогатели называли своего главаря Черепком. Мне нужно было догадаться, кто он такой и как отреагирует Череп на его гибель. Однако я не придавал этому значения и допустил непростительную ошибку. Один опрометчивый удар ножом, и вот тебе народившийся за ночь целый выводок проблем... Я становлюсь рассеянным. В моей работе это всегда знаменует наступление старости. А старость у таких, как мы, обычно очень короткая.

- Да полно тебе. Все стареют, - отмахнулся я. - И все рано или поздно начинают допускать ошибки. Никто не безупречен, к тому же почти всегда есть шанс многое исправить.

- Это так, - согласился майор. - Но для большинства из нас первая же допущенная ошибка становится последней. Поэтому ты надеешься умереть до того, как успеешь осознать, что облажался... Ладно, замолкни и иди вперед - тебе эти места лучше известны...

Как Воронин и обещал, он взялся прикрывать наше отступление, едва мы достигли опушки ближайшего леса. Брошенные нам вслед дымовые шашки за считанные минуты выпустили в атмосферу густую завесу подкрашенной летучей смеси. Ее желтое облако затянуло собой весь северный сектор периметра, полностью скрыв от нас базу. А нас, соответственно, - от взоров преследователей, огибающих в этот момент «Росток» с западного направления, о чем свидетельствовало присланное мне на ПДА сообщение от Вовчика Холеры. Прогноз Кальтера расходился с реальностью только в одном: Череп не стал даже пытаться идти в восточном направлении, поскольку, очевидно, давно заметил там опасность. В остальном все пока шло вполне предсказуемо.

Вовчику не удалось определить, какие силы бросил за нами в погоню Череп. Но я рассчитывал, что вряд ли полковник сунется на земли «Монолита» со всей своей маленькой армией. Условная граница этих территорий, за которую сектанты старались без надобности не забредать, пролегла по железнодорожной ветке, выходящей из Диких Земель и протянувшейся на восток двумя километрами севернее Бара. А по другую сторону насыпи, примерно в километре от нее, находился форпост сектантов - бывшая военная база, успевшая за последние пару лет побывать в руках почти всех крупных местных кланов. На нее я и взял курс после того, как мы с Кальтером углубились в лес.

Майор хорошо вызубрил географию Зоны и быстро сориентировался, куда я его веду. Однако уточнить, верна ли его догадка, он решил час спустя, когда мы

добрались до железнодорожной насыпи. За все это время нам навстречу попала лишь довольно крупная лужа «ведьминого студня», разлившаяся здесь при последнем выбросе, да некая тварь – судя по всему, псевдоплоть, – с шумом пронеслась по кустам в сторону Бара. Она же позволила определить, как далеко находятся от нас Череп со товарищи. Не заметив меня и Кальтера, мутант нарвался напрямик на «буянов», ударивших по нему сразу из дюжины автоматных стволов. Канонада грянула примерно в полукилометре юго-западнее от нас, а затем сместилась к востоку, где вскоре затихла; образно говоря, ударивший нас в левое ухо грохот умолк уже в правом. Исходя из этого наблюдения, можно было предположить, что враги перемещаются по лесу тремя-четырьмя группами, выстроившимися в колонны и движущимися параллельными курсами. И каждая из групп раскольников успела сейчас поучаствовать в расстреле шарахнувшейся от первых выстрелов псевдоплоти.

Едва раздалась стрельба, мы с Кальтером моментально попадали ниц, чтобы ненароком не схлопотать в спину шальную пулю. Было слышно, как они щелкают по деревьям в опасной близости от нас, но этот короткий обстрел принес нам скорее пользу, нежели вред. Получив представление о местонахождении «буянов», я мог скорректировать маршрут бегства так, чтобы использовать близость монолитовской базы с выгодой для нас.

– Хочешь пройти незамеченным прямо под стенами форпоста, чтобы отсечь «хвост»? – полюбопытствовал Кальтер перед тем, как вместе со мной двинуть на штурм железнодорожной насыпи. – Кто-нибудь до нас уже проделывал такой трюк или мы будем первопроходцами? Если так, думаю, сейчас не самое подходящее время выпендриваться и проверять бдительность сектантов.

– Доверься мне, майор, а иначе в ближайший час нам придется носиться по Зоне, будто наскипидаренным лошадям. Не знаю, как ты, а мне никогда не нравился бег с препятствиями. Я и в армии каптером заделался только затем, чтобы от кроссов отлынивать, – попытался утешить я спутника, скептически оценивающего мое стратегическое мышление. А впрочем, какое еще требовать к себе отношение от человека, который старше меня на полтора десятка лет и к тому же имеет за плечами солидный боевой опыт?

– Буду признателен, если, прежде чем что-либо предпринимать, ты возьмешь за правило посвящать меня в свои планы, – сказал Кальтер. Без злобы, но тоном, не допускающим возражений.

– Терпение, майор, – повторил я. – Как только перемахнем через насыпь, сразу поймешь, что к чему. А пока окажи услугу, достань у меня из нижнего кармана ранца пару «сигналок». Пока есть время, подготовимся, а то потом недосуг будет.

Я полагал, что Кальтер непременно спросит, мол, на кой черт нам нужны сейчас эти игрушки, но он без разговоров открыл на моем ранце нужный карман и извлек оттуда две армейские сигнально-осветительные ракеты. Каждая из них помещалась в картонном пенале с пластиковым наконечником в форме штопора. При необходимости из этих «сигналок» можно было соорудить растяжку прямо в чистом поле, попросту вкрутив их в землю. Но мои устройства могли использоваться и по-другому. Глянув на прикрепленные к ним маленькие блоки дистанционного воспламенения, майор быстро смекнул, зачем нужна подобная модернизация. Мне оставалось лишь уточнить для него кое-какие детали.

– За линией – небольшой осиновый колок, – пояснил я, вручая одну ракету Кальтеру, а вторую оставляя себе. – За ним – маленький заброшенный поселок, а дальше – форпост монолитовцев. Поблизости нет более удобного места для перехода железной дороги, поскольку лесок скроет нас от наблюдателей на вышках базы. Черепу, чтобы не засветиться, также придется пересекать насыпь здесь. Однако у него появилась непредвиденная проблема. – Я подбросил в руке «сигналку». – Некий доброжелатель анонимно известит сектантов о том, что к ним через границу проникла большая группа неприятеля. А пока хозяева будут разбираться с гостями, мы затаимся в поселке и подождем, чем дело закончится.

– Если этот участок линии не просматривается с форпоста, в лесу за ней могут быть мины, – заметил майор.

– Минные заграждения установлены по периметру в стометровой зоне вокруг базы, – сообщил я проверенные недавно нашими разведчиками сведения. – В лесу и поселке постоянно шныряют мутанты, поэтому ни мин, ни «сигналок» там нет – сектанты, как и мы, тоже не любят подрываться среди ночи по ложной тревоге... Ладно, двинули! Сдается мне, Череп с «буянами» уже до «ведьминого студня» добрался.

Вскарабкавшись по склону насыпи, мы задержались ненадолго, чтобы оглядеться и проверить впереди лежащий путь, швырнув в сторону осинника пару болтов. Затем стремительной перебежкой достигли колка, установили в нем сигнальные ракеты, после чего, не задерживаясь, выдвинулись к поселку.

Лесок примыкал прямо к нему, поэтому нам не пришлось ползти по траве, прячась от засевших на вышках снайперов. Выйдя из-под сени деревьев, мы тут же припали к стене крайнего домика и, аккуратно выглянув из-за угла, начали присматривать себе временное убежище.

Когда-то в этих однотипных бревенчатых строениях проживал обслуживающий базу гражданский персонал. С тех пор многострадальный поселок претерпел пожар, а также череду иных катаклизмов, вызванных уже превратностями Зоны. К примеру, бревна в стенах одного полуразрушенного домика выглядели так, словно были пластилиновыми, а какой-то шутник смял их местами в единое целое. А еще одно строение накренилось под сильным углом и наполовину провалилось в землю. При этом, что удивительно, не рассыпалось, хотя и было довольно древним. Вторая его половина торчала на поверхности и напоминала корму тонущего «Титаника» из классического голливудского кинофильма. Надо заметить, что когда я в последний раз посещал эту деревеньку – то есть около трех месяцев назад, – ничего подобного тут не наблюдалось. Впрочем, шли мы тогда в потемках и, вполне вероятно, попросту не рассмотрели как следует причудливую здешнюю архитектуру.

Я указал Кальтеру на ближайший из уцелевших и нормальных с виду домиков. Но спутник не одобрил мой выбор, помотал головой и ткнул протезом в сторону обгорелых руин, торчавших на противоположной окраине. Они находились уже на склоне холма, у подножия которого был когда-то выстроен поселок, а на вершине – соответственно сама база. Я хотел было шепотом осведомиться у майора, чем ему приглянулась сгоревшая почти дотла избушка, но он, не дожидаясь расспросов, уверенно двинулся в ту сторону. Я выругался про себя и, пригибаясь почти до земли, направился за перебегающим от укрытия к укрытию Кальтером.

Последний десяток метров до облюбованных им развалин пришлось ползти по кромке обнесенного вешками минного поля. При этом мы всячески старались не потревожить нависающие над нами заросли полыни, шевеление которой могло нас выдать. Высокая полынь усеивала старое пожарище и давала защиту от глаз наблюдателей на вышках. А вот домик, который выбрал я, отсюда уже не выглядел надежным убежищем, каким он сперва мне показался. Дырявая крыша и выбитые окна позволяли засечь с форпоста любого сталкера, который мог по неосторожности сунуться в ту избу. Кальтер сразу понял, какую опасность она для нас представляет. Я же едва не оплошал и мог угодить на мушку снайперам, чьи дальнобойные винтовки шутя пробили бы трухлявые стены любого здания в

этом поселке.

Укрывшись среди полынных зарослей и нагромождения горелых бревен, мы извлекли бинокли и нацелили их на оставшийся позади колок. Еще не облетевшие багряные кроны осин мешали просматривать его с вышек, но с нашей позиции можно было разглядеть даже протянувшуюся за лесом железную дорогу. И, разумеется, тех врагов, что вскоре попытаются ее пересечь. Как бы мы ни заметали за собой следы, они все равно были различимы в сухом подлеске, через который мы продирались пять минут назад. Но когда враг их обнаружит, выяснить, куда они ведут, он уже не успеет. Потому что как только раскольники вступят в осинник, у них сразу появятся более актуальные проблемы.

– Есть. Вижу ребят Черепа. Двигутся точно по нашим следам, – проговорил Кальтер, не отрываясь от бинокля. Либо у него была мощнее оптика, либо острее зор, потому что я пока ничего такого не приметил. – Двое... Еще двое... Еще... Переходят линию мелкими группами... Двенадцать... Четырнадцать... Теперь выжидают... Опять пошли...

Первого «буяна» я засек тогда, когда майор насчитал их уже двадцать. Это был Сим-сим, высланный вперед в качестве дозорного, пока вся его банда собиралась в придорожном овраге. Очевидно, Кальтер вчера даже не ранил эту сволочь, раз Череп не только взял калмыка с собой, но и поручил ему ответственную работу. Вряд ли раскольники двинут в поселок всей своей многочисленной компанией. Скорее всего, отправят сюда двух-трех человек, дабы они разнюхали, с какого фланга мы решили обойти форпост «Монолита», а затем обогнут базу с того же направления, но на более безопасном расстоянии. Разумеется, если я им это позволю. Но я сегодня был не настолько добр, чтобы отказываться от своих кровожадных замыслов в отношении головорезов полковника Черепанова.

– Двадцать восемь человек, – просветил меня Кальтер после того, как неприятель полностью перешел границу. – Возможно, я обсчитался и их немного больше: тридцать или тридцать два. Но точно не сорок.

– Спасибо, ты меня здорово успокоил, – проворчал я, доставая пульт дистанционного воспламенения «сигналок». – Ну что, устроим в честь прибытия Бориса торжественный салют?

– Ненавижу шум, – признался майор, – но коли без него никак, дерзай. Зря, что ли, добро переводили?..

Две яркие красные ракеты одна за одной взмыли в небо с пронзительным свистом. Причем первая из них стартовала всего в паре шагов от крадущегося по осиннику Сим-сима, заставив его присесть от неожиданности. Еще двое следовавших за ним следопытов явно заработали себе в шевелюры немало седых волос. А то ж! И я бы на их месте струхнул, если бы у меня буквально из-под ног вылетело нечто одновременно ослепительное и оглушительное. Такие шутки и за пределами Зоны могут оставить заикой на всю жизнь, а здесь и подавно.

Однако в действительности «буяны» испугались не свистящих в унисон «сигналок», а тех последствий, какие они вызвали. Ракеты еще догорали в воздухе, когда по району, откуда они взлетели, шарахнул смертоносный свинцовый шквал. Все огневые точки южного сектора оборонительного периметра базы взялись дружно огрызаться на поднятый мной шум. Причем не только пулеметными очередями, но и ритмичным уханьем автоматических станковых гранатометов.

Парочка этих орудий вступила в канонаду последней, но проку от нее было гораздо больше, чем от всех сектантских пулеметов, вместе взятых. Гранатометчики начали сеять в осиннике и вокруг него отнюдь не «разумное, доброе, вечное», а, наоборот, безумное, жестокое и молниеносное. Всего за полминуты АГС расстреляли каждый по ленте боеприпасов и забросали отмеченный моими ракетами квадрат более чем полусотней осколочных гранат. Нам с Кальтером пришлось заткнуть уши, дабы не оглохнуть от гранатометных очередей и раздавшейся за ними череды разрывов. Даже не верилось, что весь этот хаос был порожден мной одним легким нажатием на кнопку маленького пульта.

Монолитовцы могли воспринять взлет «сигналок» по-разному: и в качестве чьей-то провокации, и как сигнал к штурму, поданный залегшим у насыпи многочисленным противником. Разбираться, кто и зачем пустил ракеты, сектантам предстояло позже. Первым же делом они нанесли по подкравшемуся противнику сокрушительный превентивный удар. А уже затем следовало не дать ошеломленному врагу передышку, проведя добивающую контратаку. При том количестве сил, которое «Монолит» всегда держал на форпосте, он мог отбросить от него зараз три такие группировки, как черепановский «Буян». И я

надеялся, что, проведя артподготовку, монолитовцы, как положено, предпримут вылазку для зачистки местности от противника. Иными словами, сами того не подозревая, повоюют за наше с Кальтером правое дело.

Насколько хлопотная работа предстояла сектантам, мы пока не видели. Накрытый шквальным залпом осинник затянуло дымом вперемешку с клубами пыли. Последнее, что я заметил в бинокль, прежде чем прогремели взрывы, были драпающие во все лопатки к железной дороге Сим-сим и другие следопыты. Надо полагать, дожидавшиеся их за колком товарищи поступили так же. Стреляющие по навесным траекториям АГС оставляли раскольникам очень мало шансов укрыться от гранат в складках местности. Поэтому Черепу только и оставалось, что как можно скорее удрать из отмеченного «сигналками» района.

Дождавшись окончания канонады, я убрал ладони с едва не оглохших ушей и, толкнув Кальтера в плечо, показал ему большой палец: дескать, нехило погнали наши городских, да? Майор, как всегда, продемонстрировал в ответ свою бесстрастную физиономию и взялся за бинокль. Какого рожна он мог видеть в таком дыму, непонятно, но Кальтер обозревал округу с той же дотошностью, с какой монолитовцы проутюжили лесок из гранатометов. Я последовал примеру компаньона, хотя, в принципе, мог этого не делать. В любом случае он заметит все, что необходимо, и без моей помощи.

Срывать с места и продолжать путь на Припять в ближайшие полчаса было слишком опасно. Наоборот, нам следовало поглубже зарыться в полынь да молиться, чтобы сектанты ограничились прочесыванием колка и не совались к минному полю, на краю которого мы прятались. Однако с момента прекращения огня миновало пять минут... десять... а южные ворота форпоста оставались закрытыми. И чем больше проходило времени, тем заминка монолитовцев выглядела, как сказала бы Алиса Льюиса Кэрролла, все страньше и страньше...

Глава 6

Через четверть часа ветер унес дым в сторону Диких Земель, позволив нам наконец увидеть все последствия отгремевшего здесь хаоса. Гранатометы изрядно покосили подлесок и стрясли с деревьев листву, так что отныне добраться от насыпи до поселка незамеченным было невозможно. Нельзя было

точно разглядеть, сколько тел лежало в придорожной канаве, но на железной дороге я насчитал растерзанные останки как минимум пяти человек. Все они решили в отчаянии перемахнуть через насыпь, чтобы спастись от града снарядов, но пали незавидной смертью, принеся себя в жертву безудержной мстительности своего командира. Наверняка среди угодивших под обстрел раскольников имелись раненые. Но, похоже, всех тех, кто подавал признаки жизни, уцелевшие «буяны» успели эвакуировать из опасной зоны до того, как осела пыль и развеялся дым.

Спустя двадцать минут группа зачистки из ворот базы так и не появилась. Кальтер указал на запад – туда, куда дул ветер, и, не высовываясь из полынных зарослей, пополз в том направлении. Я отметил, с какой искусностью он передвигается по-пластунски. Сущая змея в человеческом обличье! Или, если уж быть точным, Чингачгук Большой Змей. Я тоже на своем веку успел поползть по Зоне и натер о ее камни не одну мозоль на брюхе, но майор все равно давал Мракобесу в этой дисциплине сто очков форы. Мало того что он при этом не издавал ни шороха, так еще ежеминутно останавливался, дабы не уходить от меня в большой отрыв. Я же пыхтел, как кузнечные мехи, и старался изо всех сил не отставать от шустрого калеки, чьи пятки в буквальном смысле сверкали сейчас у меня перед носом. Вот только как прибавить ходу и при этом не наделать еще больше шума? Вопрос на засыпку, ответ на который был мне неведом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/roman-glushkov/svincovyuy-zakat>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)